8 P1
П. 48

П. 48 б. 8

18812

891.7(09)
Б43 к
Л 186

Пензенская областная
БИБЛИОТЕКА
им. М. Ю. Лермонтова
Обязательный
экземпляр

8

18012

8

В. Г. БѢЛИНСКІЙ,

КАКЪ КРИТИКЪ И СОЗДАТЕЛЬ

ИСТОРІИ НОВОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

8р1
П48

8012

В. Покровскаго.

284647

Пе... б-ка
им. ...ова

МОСКВА.
Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля,
преемн. Э. ЛИССНЕРА и Ю. РОМАНА.
Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., д. Лисснера.
1899.

Дозволено цензурою. Москва, 1-го февраля 1899 г.

I.

*) Какъ въ неорганической природѣ и органической животной, среди обычныхъ, постоянно смѣняющихся явленій, къ которымъ присматривается человѣческій глазъ, не часто выпадаютъ такія, которыя или своею мощію, или неотразимо чарующими свойствами, на время затмевая въ нашемъ сознаніи другія, исключительно къ себѣ приковываютъ: такъ точно въ органической духовной природѣ человѣка, въ ряду поколѣній, непрерывно слѣдующихъ другъ за другомъ, очень рѣдко на общечеловѣческомъ горизонтѣ выдвинется лице, которое или силою своего геніальнаго ума, или возвышенностію благороднѣйшихъ чувствъ, или величіемъ характера, просвѣтленнаго разумомъ, привлечетъ къ себѣ всеобщее вниманіе и становится предметомъ невольнаго и восторженнаго удивленія. Природа, далеко не расточительная въ надѣленіи людей духовными благами, долгіе годы бережетъ ихъ, какъ будто затѣмъ, чтобы сразу истощить всѣ свои дары на одномъ избранникѣ. Такимъ избранникомъ былъ В. Г. Бѣлинскій. Его ясный, живой, логическій умъ, его безграничное стремленіе къ саморазвитію и обогащенію себя познаніями, его тонкое художественное чутье, его пламенное стремленіе къ истинѣ, его правдивость, доходившая до фанатизма и безстрашная борьба за нее, его энергія и горяч-

*) *Читано было въ сокращеніи въ публичномъ засѣданіи Учебнаго отдѣла Общества распространенія техническихъ знаній 25 апр. 1898 г.*

ность въ защитѣ своихъ завѣтныхъ убѣжденій, его, наконецъ, отзывчивость, искренность и нелицепріятность, — все это вызываетъ въ насъ полныя къ нему наши симпатіи. И понятно: онъ явился изъ среды нашего народа какъ будто для того, чтобы намъ воочію показать, до какой идеальной чистоты и благородства можетъ возвысится человѣческая личность.

Я не имѣю въ виду возсоздать обаятельный ликъ Бѣлинскаго во всей полнотѣ его духовнаго бытія — да это едва ли подъ силу одному человѣку; я не хочу и оживить предъ вами этотъ дорогой для всѣхъ образъ: онъ вовсе не потускнѣлъ, и въ насъ, отдѣленныхъ отъ него полустолѣтіемъ, живетъ, можетъ быть, полнѣе, глубже и ярче, чѣмъ у современниковъ; я намѣренъ только напомнить тѣ условія, при которыхъ пришлось ему дѣйствовать, какъ критику, и воскресить въ вашемъ сознаніи то значеніе, какое онъ имѣлъ въ области изящной словесности.

Бѣлинскій обладалъ огромнымъ эстетическимъ чутьемъ, самымъ лучшимъ, ничѣмъ не замѣнимымъ качествомъ для художественнаго критика, качествомъ, котораго не могутъ восполнить ни огромная эрудиція ни умы многихъ міра. Благодаря этому чувству изящнаго, съ избыткомъ разлитому въ такомъ нервно-художественномъ темпераментѣ, какимъ былъ темпераментъ Бѣлинскаго, открывались ему горизонты прекраснаго тамъ, гдѣ оно было въ дѣйствительности; въ этомъ чувствѣ онъ почерпалъ увѣренность смѣло и рѣшительно возвѣщать геніальнымъ то, что сознавалъ, и низводить съ пьедестала, при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, вопреки существующимъ понятіямъ, потерявшіе свое обаяніе кумиры; въ немъ же таится и источникъ чистой искренности и благородной горячности, которыми проникнуты его произведенія; въ этомъ же чувствѣ нѣдрится

и ключъ той изумительной прозорливости, съ какой онъ предугадывалъ и привѣтствовалъ нарождавшіеся таланты. Прослѣдить, хотя вкратцѣ и въ послѣдовательности времени, исторію этихъ первоначальныхъ оцѣнокъ произведеній только что начинавшихъ свою дѣятельность писателей, нерѣдко скрывавшихся подъ инициалами и псевдонимами, значитъ показать, какъ, въ самомъ дѣлѣ, было сильно руководившее имъ чувство и какъ рѣдко оно его обманывало. Все то, что носило проблески нарождающагося таланта, могущаго впослѣдствіи развернуться, онъ съ радостію привѣтствовалъ; начинающимъ писателямъ, не опредѣлившимъ еще рода и формы, въ которыхъ плодотворнѣе могла бы выразиться литературная ихъ дѣятельность, онъ указывалъ путь; выдающія и безспорно изящныя новинки приводили его въ восторгъ, къ которому онъ старался пріобщить своихъ единомышленниковъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ (приводить ихъ всѣ считаю излишнимъ), которые лучше всего могутъ показать, насколько чутокъ былъ Бѣлинскій къ воспріятію изящнаго и насколько непогрѣшимъ въ оцѣнкѣ его.

Въ 1834 году появились „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки". Новизна сюжета, простодушная прелесть разсказа, тонко разлитой юморъ, рельефное изображеніе мѣстности, дышащее благоуханіемъ поэтическаго края, правдивое изображеніе цѣлаго не тронутаго поэзіей міра со всѣми обычаями и суевѣріями и, наконецъ, живой и образный языкъ — все это произвело неотразимо-плѣняющее впечатлѣніе на Бѣлинскаго. Онъ не могъ удержаться отъ обаянія этого перваго произведенія начинающаго писателя, и радостное привѣтствіе невольно вылилось изъ его души: „Гоголь, говоритъ Бѣлинскій, такъ мило прикинувшійся пасѣчникомъ, принадлежитъ къ числу необыкновенныхъ талантовъ. Кому не извѣстны его „Вечера

на хуторѣ близъ Диканьки?“ Сколько въ нихъ остроумія, веселости, поэзіи и народности! Дай Богъ, чтобы онъ вполнѣ оправдалъ поданныя имъ о себѣ надежды“ [1]). Полный восторга отъ этого произведенія, Бѣлинскій отмѣчаетъ и его особенности: „Вечера на хуторѣ“, говоритъ онъ, — поэтическіе очерки Малороссіи, очерки полные жизни и очарованія. Все, что можетъ имѣть природа прекраснаго, сельская жизнь простолюдиновъ — обольстительнаго, все, что народъ можетъ имѣть оригинальнаго, типическаго, — все это радужными цвѣтами блеститъ въ этихъ первыхъ поэтическихъ грезахъ г. Гоголя. Это была поэзія юная, свѣжая, благоуханная, роскошная, упоительная, какъ поцѣлуй любви“ [2]).

Вышедшіе въ 1835 году „Арабески и Миргородъ“ оправдали справедливость мнѣнія, высказаннаго Бѣлинскимъ по поводу „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки“, и его надежды. Въ этихъ произведеніяхъ шире развернулся талантъ Гоголя, нѣсколько уже окрѣпшій и возмужалый. Прежняго пасѣчника, безотчетно радовавшагося всѣмъ явленіямъ жизни, смотрѣвшаго на все сквозь призму идеализаціи, въ разсказѣ котораго такъ и слышались слова: „все, что существуетъ въ мірѣ — все то благо, все добро“, смѣнилъ Гоголь — мыслитель, который сознательно указывалъ на тѣ несовершенства въ жизни, которыя волновали его человѣколюбивое сердце. Но не пылкимъ гнѣвомъ, не ѣдкой насмѣшкой, не сарказмомъ, не уничтожающимъ презрѣніемъ, — все тою же любовію, любовію отца запечатлѣны изображенныя имъ лица; только въ изображеніяхъ этихъ чувствовалось больше слезъ и меньше смѣха; да и смѣхъ уже не былъ такимъ дѣтскимъ, жизнерадостнымъ, такъ увлекавшимъ за собою читателя — скорѣе какое-то горе, глубокая грусть сквозили въ немъ и мѣстами ярко прорывались. Такова была

[illegible] вномъ фонѣ произведеній, разбленныхъ мет[illegible] промежуткомъ. Бѣлинскій понялъ этотъ [illegible]мъ Гоголя и, оцѣнивъ по достоинству проявленіе народности въ изображеніи, такъ высказываетъ с[illegible] расцвѣтъ таланта его: „Гоголь только началъ свое поп[illegible]ровательно наше дѣло высказать свое мнѣніе о его де-ютѣ и надеждахъ въ будущемъ, которыя по[illegible] [illegible]ы велики, ибо г. Гоголь владѣетъ талантомъ необы[illegible]нымъ, сильнымъ и высокимъ. По крайней мѣрѣ, въ настоящее время онъ является главою литературы, главою поэзіи, становится на мѣсто, оставленное Пушкинымъ. Предо[illegible]имъ времени рѣшить, чѣмъ и какъ кончится поприще г. Гоголя, а теперь будемъ желать, чтобы этотъ прекрасный талантъ долго сіялъ на небосклонѣ нашей литературы, чтобы его дѣятельность равнялась его силѣ [illegible]

Въ томъ же 1835 году явилась маленькая книжка съ 18-[illegible]котвореніями Кольцова, которыя Станкевичъ выбралъ, [illegible]ія, изъ толстой тетради стихотворныхъ опытовъ, отдан-[illegible] [illegible]творенія Кольцова, согрѣтыя теплотою чувства, проникнутыя искренностію и задушевностію, исполненныя грусти, легко объяснимой и вполн[illegible]нятной при достаточномъ знакомствѣ с[illegible]льной ж[illegible] не могли не возбудить сочувствія Бѣлинскомъ. Хотя лучшими изъ нихъ были только „Пѣсня пахаря“ и „Крестьянская пиру[illegible], однакожъ и по этимъ стихотвореніямъ Бѣлинскій опредѣлил сущность поэзіи Кольцова и призналъ въ немъ поэти[illegible] талантъ: „Немного стихотвореній напечатано изъ большой тетради, присланной Кольцовымъ, говоритъ Бѣлинскій, не всѣ изъ напечатанныхъ — равнаго достоинства... найдется между ними два-три слабыхъ, но ни одного такого, въ которомъ бы

не было хотя нечаяннаго проблеска чувства, хотя одного [illegible] стиховъ, вырвавшихся изъ души... Большая часть положительно и безусловно прекрасны. Почти всѣ они имѣютъ [illegible] отношеніе къ [illegible] и [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] простотой и ясностію выраженія, искренностію чувства, не всегда глубокаго, но всегда вѣрнаго, не всегда плавнаго, но всегда [illegible] и разнообразнаго. Въ [illegible] читаетъ [illegible] умилительную глубину мысли, соединяющуюся съ [illegible] простотой и благородствомъ выраженія, [illegible] классическое простодушіе и ясность [illegible]. Въ [illegible] своей [illegible], Бѣлинскій, признавая за Кольцовымъ талантъ и искренно желая полнаго его развитія, совѣтуетъ поэту [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] стихотворенія: „Къ другу“:

[illegible] злоба
[illegible]
Пусть съ колыбели и до гроба
[illegible] и мучить и страшить:
[illegible] [illegible] [illegible]
[illegible]
Могильной тѣнью врахъ низринусь,
Но скорби не отдамъ себя!...[4])

Когда въ 1838 году въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ“ к „Русскому Инвалиду“ впервые появился „Пѣсня про купца Ивана Сергѣевича Калашникова“, Бѣлинскій [illegible] [illegible] [illegible]

ему великую будущность [6]). Съ этихъ поръ отношеніе Бѣлинскаго къ Лермонтову, по отношенію къ оцѣнкѣ его произведеній, измѣнялось: всѣ вновь появлявшіяся его стихотворенія вызывали восторженный отзывъ Бѣлинскаго. Прочитавъ только что вышедшее стихотвореніе Лермонтова „Три пальмы“ Бѣлинскій пишетъ: „Стихотвореніе „Три пальмы“ чудесно, божественно. Боже мой! Какой роскошный талантъ! Право, въ немъ [illegible] что-то великое“ [7]). Въ другомъ мѣстѣ Бѣлинскій такъ ус[illegible] значеніе того же стихотворенія: „На Руси явилось *новое мо*[illegible] Лермонтовъ! [illegible] замѣчаетъ: „Какая образность! Такъ все и видишь передъ собой, а увидѣвъ разъ, никогда не забудешь! Дивная картина — такъ и блеститъ всею яркостію восточныхъ красокъ! Какая живописность, музыкальность, сила и крѣпость въ каждомъ стихѣ, отдѣльно взятомъ“ [8]). Стихотвореніе „Тер[illegible] поражало Бѣлинскаго не менѣе, чѣмъ [illegible]: „[illegible] Терекъ!“ пишетъ Бѣлинскій. „Чортъ знаетъ — [illegible] сказать, а мнѣ кажется, что *въ этомъ юношѣ готовится* [illegible] и его Пушкинъ [illegible] ника“ [9]). Такое же сильное впечатлѣніе на Бѣлинскаго произвело стихотвореніе Лермонтова „[illegible]“ и „Въ минуту жизни трудную“. По поводу послѣдняго Бѣлинскій замѣчаетъ: „Какъ безумный, твердилъ я дни и ночи эту чудную молитву“ [10]). Когда появились повѣсти Лермонтова, Бѣлинскій въ такихъ восторженныхъ словахъ отозвался о нихъ: „Дьявольскій талантъ! Молодо-зелено, но художественный элементъ такъ и пробивается сквозь пѣну молодой поэзіи“ [11]). Бѣлинскій [illegible] произведенія Лермонтова [illegible] Бѣлинскій такъ [illegible] : „[illegible] добытое со дна глубочайшей и могущественной натуры, испо-

взмахъ, демонски полетъ — съ неоомъ гордая вражда
о заставляетъ думать, что мы лишились въ Лермонтовѣ
который, по содержанію, шагнулъ бы далѣе Пушкина“ [12]

Въ „Одесскомъ Альманахѣ“ 1840 г. подъ инициаломъ фа-
А. Н. Майкова появились впервые два его стихотворенія:
“ и „Картина вечера“. Чуткій по натурѣ своей къ пре-
му и въ то же время строги и далеко не расточительны
начинающимъ талантамъ, Бѣлинскій говоритъ: „Вотъ
примѣръ, антологическое стихотвореніе одного *неизвѣстнаго*
ровитаго поэта, въ которомъ выражено обаяніе сна или,
ше сказать, усиленіе послѣ прогулки фантастическимъ ве-
юмъ мая: прочтите его и вы сами поймете лучше в
сненій, что поэзія есть выраженіе невыразимаго, разобла-
таинственнаго — ясный и опредѣленный языкъ чувства пѣ-
и теряющагося въ своей неопредѣленности“ [13]).

12 г. съ подписью имени и фамиліи поэта вышла
хотворенія Аполлона Майкова“, Бѣлинскій пи-
„русская литература пріобрѣтаетъ въ Майковѣ *новое,*
сьма замѣчательное и подающее о себѣ хорошія надежды
рованіе. Это собраніе изящныхъ стихотвореній Майкова
кетъ во всякомъ отношеніи назваться сюрпризомъ публикѣ,
ораго въ одно и то же время, безъ всякихъ предварительныхъ
готовленій, у рится въ истинности дарованія *новаго* поэта
узнаетъ о его существованіи“ [14]). Въ томъ же году, въ дру-
й статьѣ Бѣлинскій говоритъ, „что многія изъ его (Май-
кова) стихотвореній обличаютъ дарованіе неподдѣльное, замѣ-
чательное и нѣчто обѣщающее въ будущемъ. Говоря такъ,
ы думаемъ, что много сказали въ пользу *молодого* поэта:
только *сильныя дарованія въ первыхъ произведеніяхъ своихъ*
ютъ залогъ будущаго развитія[15])... Если взглядъ нашъ на

жность поэзіи, на высокое значеніе поэта не помѣ[illegible] посвятить цѣлую критическую статью разбо[illegible] питовъ Майкова, значитъ мы много видимъ [illegible] *наго* поэта[16]... Г. Майковъ вполнѣ *вла[illegible] ства — стихомъ*, который у него напом[illegible] стеровъ русской поэзіи; *а это — великій и подающій сам[illegible] тныя надежды признакъ*". Говоря объ антологическихъ хотвореніяхъ Майкова, помѣщенныхъ въ той же книжкѣ, Бѣ[illegible]скій замѣчаетъ, что они „*перлъ поэзіи, то[illegible] ита, поводъ къ надеждѣ на будущее его развитіе*"[17]). Весьм[illegible] понятно, почему стихотворенія Майкова, сначала помѣщае[illegible] [illegible]ь, а потомъ вышедшія отдѣльной книжкой, не [illegible] ускользнули отъ пытливаго и проницательнаго взора Бѣлинскаго, но и плѣнили его: навѣянныя и проникнутыя духо[illegible] жизнью классическаго міра, исполненныя любви и гра[illegible] блистающія пластичностію образовъ, они, какъ соста[illegible] украшенія нашей поэзіи, были такъ сродны душѣ Бѣлинскаго [illegible] какъ и всегда, эстетическое чувство ему не измѣняло [illegible] а прозорливость и любовь къ писателямъ не покинули; но, привѣтствуя первыя произведенія Майкова и видя въ ни[illegible] большія задатки на развитіе таланта, Бѣлинскій указывалъ впослѣдствіи автору на опасность, [illegible] замкнутости въ строго опредѣленномъ худож[illegible] равнодушнаго отношенія къ современной дѣйствительности[18])

Надежды, возлагаемыя Бѣлинскимъ на Майкова, блестательно оправдались: 19 октября 1882 г. въ публичномъ засѣданіи II отдѣленія Императорской Академіи Наукъ, ак[illegible] микъ Я. К. Гротъ, объявляя о присужденіи Пушкинской преміи за „Два міра", лучшее прои[illegible] свою рѣчь: „Поэма Майкова въ цѣломъ составѣ своемъ и

[illegible] столь [illegible] и [illegible]ечательное [illegible]ленiе, столь зрѣло обдуманное и тщательно [illegible]ботанное художественное созданiе, что его нельзя не причислить къ тѣмъ прiобрѣтенiямъ нашей литературы, которыми она въ правѣ гордиться“ [19]). Лучшiй нашъ критикъ, г. Страховъ, въ своемъ разборѣ этой поэмы, составленномъ по порученiю Академiи Наукъ, даетъ самый лестный отзывъ, въ заключенiе котораго говоритъ: „Достоинства „Двухъ мiровъ“ [illegible]; это [illegible] нашего поэта, такое, въ которомъ сосредоточились всѣ лучи [illegible]; но [illegible] что обыкновенныя сравненiя и измѣренiя для него даже излишни и неумѣстны“ [20]).

[illegible] Тургенев „Параша“. [illegible] [illegible] Лермонтову, [illegible] содержанiя и поэтическомъ стихѣ, имѣла такъ много самобытности, оригинальности, отличалась такими художественными достоинствами, что невольно привлекла вниманiе Бѣлинскаго, [illegible] [illegible] которымъ дышитъ вся поэма, и изящность и грацiю, столь присущую [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible]

ково же было наше удивленіе, когда вмѣсто этого, прочли [illegible] поэму, не только написанную прекрасными поэтическ[illegible]хами, но и проникнутую глубокою идеею, полнотою внутренняго содержанія, отличающуюся [illegible] [illegible] благосклонный отзывъ Бѣлинскаго о „Парашѣ“, сильно [illegible] радовавшій и смутившій автора, былъ причиною зн[illegible] съ критикомъ[22]).

Поощренный въ Современникѣ разсказомъ Тургенева „Ермолай и Мельникъ“ дать возможность Бѣлинскому порадовать и объяснить особенности его таланта и [illegible] [illegible] его таланта, которые онъ [illegible] [illegible] этому отдѣлу. Бѣлинскій [illegible] [illegible] разсказовъ выходили изъ-подъ пера Тургенева[23]). Замѣчая Тургенева, что „Дорога обѣщаетъ въ немъ [illegible] въ будущемъ“, онъ такъ опредѣляетъ и свойство его: „Если не ошибаюсь, ваше призваніе — наблюдать дѣйствительныя явленія и передавать ихъ, пропуская черезъ фантазію, но не опираться только на фантазію“.

Когда въ 1845 году Некрасовъ задумалъ издать сборникъ [illegible] „Физіологія Петербурга“ — сборникъ, [illegible] [illegible] очерки и сцены изъ петербургской уличной и домашней жизни, Григоровичъ былъ вкладчикомъ въ этотъ сборникъ и вписалъ въ него двѣ свои повѣсти: „Петербургскіе шарманщики“ и „Лотерейный билетъ“. Обѣ повѣсти были отмѣчены Бѣлинскимъ, который такъ высказался о нихъ: „Петербургскіе шарманщики“ не лишены [illegible] [illegible] нія, а „Лотерейный билетъ“, статья не безъ занимательности, но, кажется, слабѣе „Шарманщиковъ“: она слишкомъ сбивается на дилетантическую простоту“. [illegible] появилась новая повѣсть Григоровича „Деревня“, навѣян-

[illegible]ая на него деревенской жизнью, куда онъ уѣхалъ въ надеждѣ [illegible]ля оживленіе своей литературной дѣятельности. Бѣлинскій, [illegible]о выставивъ поразившіе его недостатки въ повѣсти, отмѣ[illegible] и истинныя ея достоинства: „Но что касается собственно [illegible] очерковъ крестьянскаго быта, говоритъ онъ, это блестящая сторона произведенія г. Григоровича. Онъ обнаружилъ [illegible]тъ много наблюдательности и знанія дѣла и умѣлъ высказать [illegible] и другое въ образахъ простыхъ, истинныхъ, вѣрныхъ, с[illegible] замѣчательнымъ талантомъ. Его „Деревня“ — одно изъ луч[illegible]шихъ беллетристическихъ произведеній прошлаго года“ [illegible]).

Указанія Бѣлинскаго сильно повліяли на Григоровича: они [illegible] и руководить имъ въ его литературной дѣятельности и тал[illegible] новной тонъ всѣмъ послѣдующимъ его сочиненіямъ. Поселив[illegible] въ деревнѣ, онъ горячо принялся за работу, и вотъ [illegible]ль 1847 г. появляется его повѣсть „Антонъ Горемыка“. „Деревня“ и „Антонъ Горемыка“ Григоровича, не отличаясь своими художественными достоинствами, интересны и замѣчательны, главнымъ образомъ, въ томъ отношеніи, что они ясно показываютъ, какъ реализмъ и народность начинаютъ охватывать русс[illegible]ратуру. Съ появленіемъ перваго произведенія Григоровича народность сдѣлала [illegible]гъ впередъ, такъ какъ въ „Деревнѣ“ впервые поя[illegible] истинное изображеніе м[illegible]ика въ его сѣрой, будничной обстановкѣ; изображеніе это дышало горячимъ интересомъ автора къ описываемому люду и желаніемъ пробудить интересъ этотъ въ своихъ читателяхъ. Въ „Антонѣ Горемыкѣ“ интересъ смѣнился глубокой, захватывающей симпатіей къ униженному и [illegible]зотвѣтному мужику. Бѣлинскій такъ оцѣнилъ эту повѣсть [illegible] въ письмѣ къ В. П. Боткину: „Вѣроятно ты уже получилъ одиннадцатый нумеръ *Современника*. Тамъ повѣсть Григо-

повича, кото[illegible] то присутствую или экзекуция. [illegible] шнула: конецъ невѣ[illegible] покинута сцена [illegible] которой Антонъ участвуетъ"). Въ „А[illegible] [illegible] я н[illegible] лучше сказать, упивался длиннотами... Боже мой! [illegible] изученіе русскаго простонарод[illegible] въ подро[illegible] описаніяхъ ярмарки! Но пер[illegible] „Антона" [illegible] всегда перечитываю по нѣс[illegible]ку разъ всякую р[illegible] [illegible]ть, которая мнѣ нравится; ни одна русская [illegible] производила на меня такого [illegible]ннаго, гнетущаго, му[illegible] наго, утомливаго впечатлѣнія [illegible] Оцѣнивая по достоинс[illegible] повѣсть, Бѣлинскій совѣтуетъ [illegible]ору и держаться на[illegible] пути: „Эта повѣсть трогательная; по прочтеніи которой [illegible] невольно тѣснятся мысли грустныя и важныя. [illegible] всей души, чтобы г. Григоровичъ продолжалъ идти н[illegible] подобно, на которой отъ его таланта можно ожидат[illegible] гаю. И пусть онъ не смущает[illegible]ванью хулителей: эти [illegible] полезны и необходимы для вѣрн[illegible]о опредѣленія объема [illegible] чѣмъ большая ихъ стая бѣжит[illegible] слѣдъ успѣха, тѣмъ, зн[illegible] успѣхъ огромнѣе" [illegible])

„Бѣдные люди", явившіеся в[illegible] 1846 году, по глубоко[illegible] [illegible] по любви автора къ своимъ [illegible]ображеніямъ, по жизн[illegible] и реализму привели въ восторг[illegible] Бѣлинскаго. Привѣтс[illegible] стоевскаго, выступившаго на [illegible]ературное поприще с[illegible] „Бѣдными людьми", Бѣлинскій, считая это произведени[illegible] ніемъ необыкновеннаго разм[illegible]ра, предугадываетъ бу[illegible] величіе таланта Достоевскаго: „Подобный дебютъ, говори[illegible] ясно указываетъ на мѣсто, ко[illegible] современемъ займет[illegible] стоевскій въ русской литерату[illegible] и на то, что если о[illegible]

сталъ рядомъ съ своими предшественниками, какъ равный съ равными, то долго еще ждать намъ таланта, который бы сталъ къ нимъ ближе его" [29]). Этотъ романъ, какъ мы сказали, [illegible] Бѣлинскаго. Некрасовъ снесъ рукопись „Бѣдныхъ людей" Бѣлинскому. Этотъ послѣдній просилъ его пригласить къ нему Достоевскаго. Когда свиданіе это состоялось и зашла рѣчь о „Бѣдныхъ людяхъ", Бѣлинскій такъ выразилъ свой восторгъ: „Да вы понимаете ль сами-то, что̀ это вы такое написали?" „Вы только непосредственнымъ чутьемъ, какъ художникъ, это могли [illegible], на которую вы намъ указали? Вы до самой сути дѣла дотронулись, самое главное разомъ указали... Мы, публицисты [illegible], только разсуждаемъ, мы словами стараемся [illegible] это, а вы, художникъ, одною чертой, разомъ въ образѣ выставляете самую суть, чтобъ ощупать можно было рукой, чтобъ самому не разсуждающему читателю стало вдругъ все [illegible]! Вотъ служеніе художника истинѣ! Вамъ правда открыта и возвѣщена какъ художнику, досталась, какъ даръ, цѣните же вашъ даръ и оставайтесь вѣрнымъ и будете великимъ писателемъ!" [30]).

Въ квартирѣ Бѣлинскаго, разсказываетъ Панаевъ, „Гончаровъ нѣсколько вечеровъ сряду читалъ свою „Обыкновенную исторію". Бѣлинскій былъ въ восторгѣ отъ новаго таланта, выступившаго такъ блистательно. Все съ болѣе и болѣе возраставшимъ участіемъ и любопытствомъ слушая чтеніе Гончарова, [illegible] съ сверкающими глазами, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ему особенно нравились" [31]). Появленіе „Обыкновенной исторіи",

обличившей въ Гончаровѣ великаго эпическаго писателя, который настолько объективенъ, что творитъ „не вѣдая ни жалости, ни гнѣва“, который настолько реаленъ, что не идеализируетъ дѣйствительности и не утрирует[illegible] обладаетъ къ тому же художественнымъ языкомъ, было [illegible] ланта автора: „Онъ поэтъ, художникъ и дальше ничего. У не[illegible] нѣтъ ни любви ни вражды къ создаваемымъ имъ [illegible] его не веселятъ, не сердятъ; онъ не даетъ никакихъ нравственныхъ уроковъ ни имъ ни читателю; онъ какъ будто думаетъ: кто въ бѣдѣ, тотъ въ отвѣтѣ, а мое дѣло сторона. Изъ всѣхъ нынѣшнихъ писателей онъ одинъ, только онъ одинъ, приближается къ идеалу чистаго искусства, тогда какъ другіе отошли отъ него на неизмѣримое пространство“ [illegible].

Исторія такой оцѣнки произведеній [illegible] данныхъ писателей съ полною очевидностію намъ показываетъ, какъ прозорливъ былъ знаменитый критикъ и въ какой сильной степени онъ владѣлъ эстетическимъ вкусомъ. Эта приведенная [illegible] только для характеристики самого Бѣлинскаго, но и для писателей, имъ оцѣненныхъ: молодымъ и неопытнымъ, не опре[illegible] онъ открывалъ перспективы и дорогу, на которой писатели могутъ развернуть силы и [illegible] Бѣлинскій для писателей 40-хъ годовъ былъ школой ихъ творчества. [illegible] истинныхъ талантахъ.

Съ любовію привѣтствуя начинающихъ свою литературную [illegible]

[illegible]ельность писателей, вскрывая достоинства, присущ[illegible] произведеніямъ и объясняя ихъ современному обществу, Бѣлинскій въ то же время и инымъ путемъ воспитывалъ послѣдн[illegible]ее — онъ подрывалъ значеніе тѣхъ писателей, которые не по праву своего поэтическаго таланта пользовались громкою извѣстностью. Остановимся на одномъ, сочиненія котораго были извѣстны чуть не всей читающей Россіи. Мы говоримъ о Марлинскомъ (Бестужевѣ), этомъ „необузданномъ" романтикѣ, [illegible] котораго служило украшеніемъ всѣхъ журналовъ и альманаховъ. Повѣсти его изъ кавказскаго быта и особенно „Ама[illegible]" приводили читающую публику [illegible] восторгъ. Въ то время, какъ читающая публик[illegible] произведеніями своего любимаго писателя, Бѣлинскій [illegible]ал ея восторги указаніемъ на крупные недостатки этого [illegible]. Ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ [illegible] по-добіемъ, словомъ, у г. Марлинскаго [illegible]дая копейка рубромъ, [illegible]е слово завитокъ. Надо сказать правду: природа [illegible] из-[illegible] остроуміемъ, веселымъ и [illegible]хочетъ, но не [illegible] ! него есть [illegible] огромныя повѣсти, какъ напр. „Наѣзды", которы[illegible] суть [illegible] что, какъ огромныя на[illegible]го есть талантъ, но талантъ не огромный, талантъ, обезсиленный вѣчнымъ принужденіемъ, избившійся и растрясшійся о пни и колоды выисканнаго остроумія" [33]). Болѣе безпощадной критикѣ подвергся, какъ увидимъ послѣ, другой кумиръ — Бене[illegible] [illegible] и цѣлая фаланга писателей, имѣвшихъ различную степень популярности у читавшей публики.

Разрушая такъ [illegible] противъ литературнаго идол[illegible] „Уже [illegible] еще и по сю пору [illegible] кое, *дѣтское* благоговѣ[illegible] [illegible] *святотатство*[illegible] какъ кажется, еще *ол*[illegible] Руси основательныхъ понят[illegible] идолопоклонство! Дѣти, мы еще [illegible] многочисленнымъ богамъ нашего [illegible] [illegible]ми, дабы узнать, точно [illegible] меты нашего обожанія. Ч[illegible] [illegible] удломъ младенче[illegible]

Такого рода отповѣдь и [illegible] нихъ этого, само с[illegible] обычной чита[illegible] жденемъ лю[illegible] паніахъ. [illegible]

28

II

Восторженное привѣтствіе Бѣлинскимъ даровитыхъ писателей очень важная сторона его литературной дѣятельности, но далеко не единственная. Здѣсь онъ только чутьемъ предугадывалъ талантъ, еще вполнѣ не обнаружившійся, не получившій [illegible]ченности въ своемъ развитіи и, слѣдовательно, безъ строго опредѣленной литературной физіономіи, когда, собственно, и возможна полная и всесторонняя оцѣнка и литературная характеристика писателя; но, по мѣрѣ того, какъ писатели развертывали свои силы и творческую способность, критическая дѣятельность Бѣлинскаго дѣлается сложнѣй не столько, впрочемъ, потому, что число поэтическихъ произведеній количественно и качественно стало больше, сколько потому, что ему [illegible] писателей отъ нападокъ представителей критики различныхъ [illegible] для него прозелитовъ литературы будетъ другой заслугой его, какъ критика, — заслугой, столь важной для общественнаго развитія. Чтобы освободить литературу отъ ложныхъ теорій, Бѣлинскому, какъ мы уже сказали, должно было счи-

таться съ различными направленіями критики. Критика же времени Бѣлинскаго представляла пеструю картину [illegible] направленій, между собою не согласовавшихся и враждовавшихъ. Разсмотримъ отношеніе Бѣлинскаго къ каждому [illegible]

Когда Бѣлинскій выступилъ въ качествѣ критика, еще не погасла, хотя и отживала послѣдніе дни, псевдоклассическая школа, долгое время руководившая взглядами [illegible] надолго до появленія Бѣлинскаго, на смѣну [illegible] стилистическое [illegible] сторону литературныхъ [illegible] рировавшей внутреннюю[37]), появилась псевдоклассическая [illegible] Мерзляковымъ, [illegible] ставителей литературной критики первой четверти девятнадцатаго столѣтія, [illegible] методъ, приложенный имъ къ оцѣнкѣ однородныхъ произведеній и древнихъ и новыхъ и почти совсѣмъ затмившій стилистику.

Одинаковое [illegible] въ Московскомъ университетѣ, Мерзляковъ, „свѣтило Словеснаго факультета“, посвятившій всю свою жизнь на благородное [illegible] преподаватель, былъ, особенно въ первое время своей профессорской [illegible] слушателей, собиравшихся къ нему со всѣхъ факультетовъ. Въ его аудиторію со всѣхъ сторонъ бросались, какъ на приступъ, сѣвша занять мѣста. Медики, математики, — о словесникахъ и говорить нечего, — юристы, кандидаты, жившіе въ университетѣ, — всѣ являлись въ аудиторію, которая наполнялась въ минуту народомъ сверху донизу, по окошкамъ, даже надъ верхними лавками амфитеатра. Мерзляковъ долженъ былъ

[illegible]ся чрезъ толпу"[illegible]). Студенты относились къ не[illegible]ьнемъ, [illegible]ченемъ и любовію [illegible]). Содержатели [illegible] лекціи, [illegible] [illegible] самостоятельный характеръ [illegible]ложеніе, вос[illegible]ченіе и искренность чувст[illegible] [illegible]лект[illegible]зовало студентовъ, приводя ихъ въ восторгъ. Бо[illegible]я содерж[illegible]емъ, лекціи Мерзлякова, облеченныя къ тому же въ изящную форму, находили себѣ въ сердцахъ, [illegible]щихъ знаній, благодарную почву. „Слушать его было любо. Рѣчь его лилась потокомъ. Всякое его слово съ каѳедры за[illegible]дало въ душу и навсегда въ ней оставалось" говоритъ [illegible]влеченный его лекціями слушатель [41]). „Его живое слово [illegible]рзлякова и его неподдѣльная любовь къ литературѣ были говоритъ Дмитріевъ, столь дѣйственны, что воспламеняли молодыхъ людей къ той же неподдѣльной и благородной любви ко всему изящному, особенно къ изящной словесности. Его одна лекція приносила много и много плодовъ, которые д[illegible]ли и безъ его пособія; его разборъ какой-нибудь одной [illegible] Державина или Ломоносова открывалъ такъ много тайн [illegible]вовалъ къ другимъ дальнѣйшимъ откры[illegible]мъ законовъ искусства! Онъ бросалъ сѣмена столь свѣжія [illegible]ь землю столь воспріимчивую, что ни одно не пропадало [illegible] приносило плодъ сторицею" [42]). „Являясь, такимъ образомъ, на каѳедрѣ во всей силѣ своего дарованія и увлекая слуша[illegible]ей, онъ готовилъ въ юношахъ людей, полезныхъ для государства" [43]). Двадцать шесть лѣтъ руководи[illegible]ъ онъ университетскою молодежью, вводя ее въ ту изящную область, которая была его спеціальностію.

Впрочемъ, не силою только своего таланта и ораторскаго изложенія снискалъ себѣ Мерзляковъ многочисленныхъ слушателей — обаянію способствовали и личныя его качества:

веселый и остроумный [illegible]
и снисходительный, добрый и благотворительный [illegible]
особенно было дорого для студентовъ. „входилъ въ ихъ [illegible]
самъ, будучи воспитанъ нуждою, понимал [illegible]
ность, какъ возбудительную царованія“ [16]). Отсю[illegible]
понятно то уваженіе, своего рода благоговѣніе къ Мер[illegible]
кову, которое питали къ нему его слушатели [16]). Призна[illegible]
ные ученики поставили на его могилѣ памятникъ [17]). Бл[illegible]
дарная память объ этой „пламенной открытой, доброй, ч[illegible]
благородной душѣ, чуждой вообще всякихъ низкихъ склонностей“
сохранялась долго въ душахъ его слушателей, и причастн[illegible]
литературѣ и занимавшихъ каѳедры въ университетѣ [18]).

Вліяніе Мерзлякова, какъ общественнаго дѣятеля, не огра-
ничивалось стѣнами университета: свои знанія и уваженіе
къ наукѣ онъ передавалъ путемъ лекцій, на которыя соби-
ралась избранная публика [19]). Посвящая аристократическій
литературный міръ въ теорію изящныхъ наукъ, Мерзляков
давалъ практическіе разборы знаменитѣйшихъ россійскихъ
стихотворцевъ во всѣхъ родахъ сочиненій, въ которы[illegible]
болѣе наша поэзія успѣла“ [30]). Ле[illegible]
успѣхъ. Даже въ торжественныхъ рѣчахъ [31]) онъ иногда исторгалъ слезы изъ сердецъ слушателей [32])

Мерзляковъ, слѣдовательно, являлся и воспитателемъ уча-
щейся молодежи и всего общества въ области эстетики, ру-
ководителемъ его въ оцѣнкѣ литературныхъ произведеній и
въ признаніи правъ на талантъ извѣстнаго писателя. Онъ
укреплялъ общественную мысль въ сказанныхъ областяхъ и
давалъ ей тонъ и направленіе. Критика Мерзлякова охва-
тывала собою писателей, главнымъ образомъ, Ломоносов-
скаго періода, отчасти касаясь Карамзинскаго и Пушкинскаго

въ первомъ случаѣ — изъ послѣднихъ классическихъ школъ, онъ вѣрно оцѣнилъ Поэмы и Лиры Озерова[1], въ 3 трагедіяхъ Сумарокова[2] и одну Хераскова „Росиаду"[3]).

Но и объ Мерзляковѣ, какъ критикѣ-лирикѣ, являясь защитникомъ классическихъ основъ и принциповъ его школы, руководящей непосредственнымъ внутреннимъ чувствомъ, обнаруживая тонкое художественное понятіе во многихъ случаяхъ, при общей несостоятельности, въ теоріи остаго классицизма, въ которую остаго классицизма школа не сознавала непреложности, Мерзляковъ обнаружилъ исключительно субъективныя проявленія. Это очень рельефно отразилось на оцѣнкѣ Державина, особенно въ Пушкинѣ. Прямо Державина стоялъ ближе къ Мерзякову, какъ выросшій въ его школѣ и потому сверстникъ: впрочемъ, при оцѣнкѣ Державина, отрѣшившись отъ классицистской теоріи и поддаваясь внутреннему чувству, опредѣлилъ правильно заслуги этого поэта въ области гражданской поэзіи; но, кромѣ Державина, какъ лирику, Мерзляковъ далъ вѣрную характеристику, отмѣтивъ въ немъ мощную движущую чувства, пламенное воображеніе, силу оригинальнаго языка: однакожъ наиболѣе цѣнными и самыми лучшими произведеніями его онъ призналъ торжественныя оды.

Гораздо позднѣе, въ Державинѣ прочелъ Бѣлинскій, который впервые и по достоинству оцѣнилъ его, и оцѣнка эта не потеряла важности и значенія въ настоящее время, при наличности классическаго труда о немъ Грота. Подобно Мерзлякову, Бѣлинскій признаетъ за Державинымъ и силу чувства, и искренность, и задушевность, „жаръ поэзіи", но не по отношенію къ торжественнымъ, философскимъ и нравственнымъ одамъ, какъ Мерзляковъ, а къ тѣмъ, въ которыхъ отразился первоклассный талантъ Екатерины II и оды: „На смерть

князя Мещерскаго", „Водопадъ", „Фелица", составля[illegible] ореолъ поэтическаго генія Державина. Торжествен[illegible] Державина, по мнѣнію Бѣлинскаго, „потеряли свой интерес[illegible] въ нихъ много грома, много блеска, но [illegible] ховныхъ же одахъ Державина, продолжаетъ о[illegible] лости и длиннотѣ стиховъ, рѣдко, рѣдко гдѣ вспыхиваетъ по-[illegible] Мало того, Бѣлинскій, сожалѣя, что [illegible] понялъ своего призванія — указываетъ и на то, въ чемъ оно состоитъ — въ тѣхъ шуточныхъ и составляющихъ оригинал ность его поэзіи одахъ „Фелицѣ", живописующихъ внѣшнюю сторону жизни Екатерининскаго времени [illegible]

Ложноклассическая школа вовсе не понимала романти[illegible] поэзіи. Мерзляковъ, считавшій Корнеля, [illegible] славными трагиками", ругая Шекспира за [illegible] скихъ правилъ „пьянымъ дикаремъ, пошлымъ канатнымъ плясуномъ, паяцемъ въ лохмотьяхъ, жалкой обезьяной", относяс враждебно и къ нѣмецкой литературѣ, долженъ былъ отрица тельно отнестись также и къ новой русской литературной ши[illegible] нымъ развитіемъ и, наконецъ, полнымъ расцвѣтомъ — Жуковскому. „Новшества" романтической поэзіи ему были не по сердцу: какъ приверженецъ классицизма, оставшися позади новыхъ вѣяній и теорій, и не сочувствовавшій ни новой жизни ни новому духу поэзіи, Мерзляковъ возсталъ противъ Жуковскаго. Сожалѣя, что Жуковскій вступилъ на ложный путь, онъ сравнивалъ его „съ арабскимъ конемъ, который ударился въ каменистую степь и хромаетъ на всѣ четыре ноги" [illegible]). Вооружаясь противъ гекзаметра и [illegible] имѣющихъ въ построеніи никакихъ правилъ, а потому не долженствовавшихъ бы получить правъ гражданства въ лите-

[illegible] признаетъ и содержаніе ихъ ничтожнымъ [illegible]ри, онъ, какъ приверженецъ псевдоклассиц[illegible]. Скажите, баллада имѣетъ ли какія-нибудь [illegible]ея правила такъ, какъ всякій другой родъ, получив[illegible]ства въ кругу литературы? — Мы знаемъ [illegible]я поэмы, для трагедіи и для элегіи, [illegible]е для оды, нѣкогда бывшей или такой, какъ нами [illegible] и потомъ Испанія и Португалія, послѣ [illegible]нецъ, у насъ нѣкоторые изъ осторожнѣй[illegible]сателей. Теперь, Богъ знаетъ что: ни вѣроятія въ со[illegible], ни начала, ни конца, ни цѣля ни худой, ни доброй, [illegible]стоинства въ слогѣ. Слогъ хорошъ, но что остается [illegible] для сердцѣ?" [illegible]). „Этотъ затѣйливый родъ [illegible]оворитъ Мерзляковъ далѣе, — пришелъ къ намъ изъ Германіи [illegible]Англіи... Cons[illegible]ateur impartial заставляетъ насъ торже[illegible]вать и [illegible]ваться какому-то преобразованію духа нашей [illegible]эзіи. Онъ поздравляетъ насъ съ тѣмъ, что мы исполнились [illegible]ихъ поэтовъ, и что сей духъ намъ родствен[illegible] значитъ ли измѣненіе, преображеніе духа всей поэзіи [illegible] введеніе новаго рода балладъ? и, наконецъ, что это за [illegible], который разрушаетъ всѣ правила критики, смѣшиваетъ [illegible]ды, ко[illegible] трагедіей, пѣсни съ сатирой, балладу [illegible]мой и пр[illegible]

Критика Бѣлинскаго проводила совсѣмъ другія начала, при[illegible] поэзіи огромное вліяніе на наше общество. [illegible]ліяніе художественное и нравственное: „вся благоуханная прелесть" романтики освѣжила читателей живымъ чувствомъ природы, открыла имъ цѣлый міръ образовъ, согрѣтыхъ человѣческимъ чувствомъ. Романтическія балл[illegible] важныя для воспитанія въ обществѣ этихъ чувствъ,

не могли не дѣйствовать на нравственное образованіе поко
ній, которыя еще въ школѣ начинаютъ восхищаться пре-
лестными произведеніями Шиллера и другихъ иностранных
поэтовъ и „плѣнительною сладостію“ музы Жуко

Чѣмъ далѣе отходилъ писатель отъ Ломоносовской шко
тѣмъ меньше онъ былъ доступенъ пониманію виднаго пр
я ложноклассической. Къ школѣ Карамзина не л
симпатіи Мерзлякова, особенно къ блистательнѣйшему преде
вителю ея — Жуковскому, созданія котораго онъ считалъ противо
рѣчащими основнымъ правиламъ изящнаго. Еще менѣе он
могъ понимать представителя позднѣйшей школы — Пушкина
Немудрено поэтому, что онъ „Цыганъ“ Пушкина, сочиненіе
полное романтики, счелъ неблагопристойнымъ и безнравствен
тѣмъ какъ Бѣлинскій впослѣдствіи въ обстоятель-
пикающую произведеніе и воплощенную въ лицѣ Алеко,
удалившагося въ цыганскій таборъ, къ дикой волѣ, не найдя удо-
влетворенія своему человѣческому достоинству въ обществѣ

Хотя ложноклассическая школа ко времени Бѣлинскаго до-
живала послѣдніе дни, и самого Мерзлякова въ живыхъ не
было, тѣмъ не менѣе идеи его устнаго и печатнаго слова
циркулировали въ публикѣ и руководили общественнымъ мнѣ-
ніемъ въ оцѣнкѣ поэтической дѣятельности извѣстныхъ писа-
телей. Поэтому критика Бѣлинскаго, и не лично направленная
противъ представителя школы, колебала установившіяся воз-
рѣнія, подрывала ихъ устойчивость, очищала вкусы и ука-
зывала на „благоуханную поэзію“ тамъ, гдѣ отъ нея дѣйстви-
тельно вѣяло чистымъ ароматомъ.

Ложноклассическое направленіе критики съ строго узако

[illegible] прислали [illegible] из Пскова [illegible] и грустно. Дѣло Мерзлякова, не лишенное поэтическаго достоинства, сохранилось въ памяти въ умѣ [illegible] и до сего времени [illegible] Пушкинъ, [illegible] [illegible] [illegible]

III.

Освободившись отъ оковъ полуклассическаго [illegible] классицизма явился Полевой — сильный борецъ [illegible] критики — критики романтической, [illegible] въ „Московскомъ Телеграфѣ“.

Имя Полевого, какъ первого журналиста [illegible], несомнѣнно, въ славныя времена русскаго [illegible], [illegible] и энергіею посѣтителей [illegible] литературы и просвѣщенія. Самоучка, съ неотразимымъ влеченіемъ къ просвѣщенію, жадно впитывавшій въ себя познанія по различнымъ отраслямъ наукъ, [illegible] литературы и [illegible] ее подъ [illegible], Полевой [illegible] своему призванію — [illegible] въ [illegible] „Московскій Телеграфъ“, [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] способствовала организація этого журнала: [illegible] составъ сотрудниковъ и невиданное до того времени разнообразіе въ содержаніи, [illegible] сторонъ русской и иностранной жизни и имѣвшемъ въ виду только пользу читателя, вкусъ, новость, живость. Полевой цѣлыми горстями [illegible] [illegible] [illegible] о философіи, литературѣ, исторіи изящныхъ искусствъ. Имена Вико, Гердера, Тьери, Гизо, Нибура и другихъ корифеевъ запад-

ной науки не сходили съ его пера. И друзья и враги Полевого соглашались, что онъ былъ недюжинный человѣкъ, съ способностію уловить верхушки и передавать другимъ все то что онъ схватывалъ въ чтеніи, а читалъ онъ, кажется, все новое, что тогда выходило изъ типографскихъ станковъ западной Европы"[2]). Онъ самъ говорилъ о себѣ очень серіозно что „онъ одинъ стоялъ на стражѣ европейскихъ идей". До изданія журнала, „возбуждавшаго [illegible]ое сочувствіе въ совре[illegible]ненныхъ и оставившаго яркіе и глубокіе слѣ[illegible]ратурѣ" [illegible]) онъ излаетъ прекрасную програму [illegible]), вполнѣ оправданную журналомъ. Лучшимъ украшеніемъ послѣдняго была критика, которой и отведено было въ немъ почетное мѣсто. „Никто не оспоритъ у меня чести, говоритъ Полевой, что первый я сдѣлалъ изъ критики постоянную часть журнала русскаго, первый обратилъ критику на всѣ важнѣйшіе современные предметы" [illegible]).

Публика была благодарна издателю и выражала ему свое сочувствіе. И Полевой оправдалъ своею [illegible]стію тѣ слова, которыя у него, какъ журнальная исповѣдь вылилась въ первомъ № Телеграфа: „Для изображенія совершеннаго журнала вообразите зеркало, въ которомъ отражается весь міръ нравственный, политическій и физическій. Такой журналъ едва ли не болѣе многихъ принесетъ пользы. Не [illegible] могутъ удѣлять время на чтеніе огромныхъ томовъ: многіе ли привыкли къ обдуманному систематическому чтенію? Здѣсь преимущество на сторонѣ журналовъ: истинно-полезное, истинно изящное предлагаетъ [illegible] журналистъ, не пугая обширными опредѣленіями, пестротой выписокъ, толщиной книги. Журналистика должна пользоваться важнымъ своимъ преимуществомъ — представлять отчетныя извлеченія изъ всѣхъ

книгъ любопытныхъ и важныхъ и увѣдомлять читателей обо всемъ, что слышно новаго. Журналистъ — разносчикъ вѣстей встрѣчаясь съ нимъ, не спрашиваютъ, что вы знаете, и нѣтъ ли чего новаго? Вотъ почему я полагаю критику одним изъ важнѣйшихъ отдѣленій журнала, *пусть только она бу[illegible] умна, правдива, дѣльна*. Присовокупите къ этому избранн[illegible] новости литературныя [illegible]нѣйшія новости въ наукахъ [illegible] ствахъ и художествахъ, обзоръ всеобщаго просвѣщенія — умѣйте предлагать это не односторонне, разнообразно". Полевой своимъ журналомъ пробуждалъ дремлющія силы, возбуждалъ и поддерживалъ благородную охоту к[illegible], создавалъ новыхъ читателей и такимъ образомъ [illegible] постоянно ихъ кругъ. Читающая „Телеграфъ" публ[illegible] мѣтно для себя подкупалась благородной мыслію, строго неуклонно проводимой въ журналѣ съ самаго его основанія, — мыслію о необходимости умственнаго прогресса. Этотъ призывный кличъ къ постоянному совершенствованію, раздаю[illegible] йемуся на страницахъ журнала съ воплемъ о пагубѣ застоя, косности, какъ основныхъ враговъ просвѣщенія, дѣлали журналъ Полевого необычайнымъ явленіемъ, особенно на фон[illegible] безцвѣтной, а иногда и жалкой журналистики тогдашняго времени. Возвѣщая въ своемъ журналѣ, что „надобно расшевелять задніе ряды читателей, пробудить отъ умственнаго сна псовыхъ охотниковъ и любителей виста, прожектеровъ, сутягъ, дамъ и законодательницъ баловъ и вечеровъ" [66]), Полевой [illegible] самомъ дѣлѣ очень много способствовалъ умственному и эстетическому воспитанію общества. Друзья и враги не могли [illegible] для выраженія лучшихъ вѣяній своего времени" [67]). Одинъ изъ компетентныхъ современниковъ Полевого, всего болѣе

упрекавший его въ „поверхностности“, „притязательности“ „рѣзкости“, не могъ не сознаться, что имя Полевого означало [illegible] Полевой [illegible] душу [illegible] его смерти — запрещенія [illegible]).

[illegible] что „поэтъ — самое свободное, неуловимое изъ всего проявляющагося въ человѣчествѣ“, Полевой писалъ: „Поэтъ родится; сдѣлаться имъ, выучиться быть поэтомъ — нельзя. [illegible] съ особеннымъ устройствомъ души. Горе ему, если міръ обхватитъ его желѣзными своими когтями и не дастъ ему расцвѣсти

поэтическою жизнью; еще болѣе горя, если онъ не пойметъ самого себя! Среди людей онъ будетъ странное, уродливое созданіе, жертва страстей своихъ и тѣмъ: [illegible] борьба между небомъ и землею. Безсмертный миѳъ слѣпца-Гомера, испрашивающаго милостыню, [illegible] — [illegible] изображеніе поэта въ борьбѣ съ міромъ! [illegible], подобно Данте и Милтону, онъ [illegible] событія, напрасно любовь, какъ Коллинсъ, [illegible] жаръ жизни; напрасно, какъ Тассъ, онъ [illegible] властителей; какъ Шиллеръ или Байронъ, [illegible] ный, снѣдаемый внутреннимъ огнемъ, поэтъ никогда не у[illegible]вется съ людьми, не помирится съ условіями жизни ихъ. Но если онъ покорился имъ, увлекся ими, тогда — Прометей, прикованный къ скалѣ Кавказа — зачѣмъ при рожденіи своемъ похищалъ онъ небесный огонь и оживлялъ имъ бренное свое существо“! [illegible]

Естественно поэтому, что Полевой долженъ былъ не только [illegible] подражательной литературы и ихъ творцамъ: „поэзія, по его [illegible], перестала быть свободнымъ порывомъ вдохновенія, свободно и повольно выливавшимся изъ души, при звукахъ простой музыки“, отсюда естественный выводъ, что у насъ нѣтъ литературы, что она вся исчерпывается именами Державина и Пушкина. [illegible] гированный энтузіазмъ и его симпатіи къ народности, не [illegible] гуманности и непосредственности его понятія о романтизмѣ, по которому послѣдній есть „непосредственное [illegible] состояніе сердца человѣка“. Шлегель [illegible] философско-критически, [illegible]

[illegible] метода въ критикѣ приве[illegible] Полевого къ ложному толкованію даже такихъ писателей, какъ Пушкинъ и Гоголь. Полевой не могъ усмотрѣть ни національнаго ни реалистическаго направленія въ произведеніяхъ Пушкина. Не понимая народности, заключающейся въ психическомірѣ поэта, въ области его чувствованій, а понимая ее въ смыслѣ описаній картинъ страны, Полевой безсознательно умаляетъ напримѣръ, значеніе 1-й пѣсни „Евгенія Онѣгина". Указывая на „рядъ картинъ, чудной красоты, разнообразныхъ, всегда прелестныхъ, живыхъ", Полевой, какъ романтикъ, видитъ въ ней много будничнаго, мелкаго, низменнаго и называетъ „легкимъ, шуточнымъ произведеніемъ [71]. Сильнѣе впослѣдствіи онъ обрушивается на этотъ романъ по выходѣ VII пѣсни: „Первая глава Онѣгина, говоритъ Полевой, и двѣ-три слѣдовавшія за нею правились и плѣняли, какъ превосходный *опытъ* поэтическаго воображенія общественныхъ причудъ... Но *опытъ* все еще продолжается, краски и тѣни одинаковы, и картина все та же. Цѣна новизны исчезла — и тотъ же Онѣгинъ нравится не такъ, какъ прежде. Надобно прибавить что поэтъ и самъ утомился. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ даже повторяетъ самъ себя. Онѣгинъ есть собраніе отдѣльныхъ безсвязныхъ замѣтокъ и мыслей о томъ, о семъ вставленныхъ въ одну раму, изъ которыхъ авторъ не составилъ ничего имѣющаго свое отдѣльное значеніе. Онѣгинъ будетъ рудникъ для эпиграфовъ, а не органическое существо... Что еслибы нашъ поэтъ перешелъ въ русскій міръ, углубился въ отечественное родное ему, то онъ сдѣлался бы высокимъ, оригинальнымъ поэтомъ" [72]

Совсѣмъ инымъ вѣетъ взглядъ Бѣлинскаго на „Евгенія Онѣгина". Онъ приступаетъ къ нему, по его словамъ, „не безъ

робости". „Онѣгинъ", говоритъ Бѣлинскій, „самое задушевное произведеніе Пушкина, самое любимое дитя его [illegible] можно узнать [illegible] его творчества, [illegible] личность поэта отразилась бы съ такою полнотою, свѣтло и ясно, какъ отразилась въ „Онѣгинѣ" личность Пушкина. Здѣсь вся жизнь, вся душа, вся любовь его; здѣсь его [illegible] понятія, идеалы... Не говоря уже объ эстетическомъ достоинствѣ „Онѣгина", — эта поэма имѣетъ для насъ, русскихъ, огромное историческое и общественное значеніе" [illegible]).

Появленіе „Бориса Годунова" вызвало въ „Московскомъ Телеграфѣ" слѣдующія строки: „Сущность этого творенія Пушкина запоздалая и близорукая: и могла ли она не быть [illegible] Пушкин[illegible] [illegible], [illegible] вляетъ улыбнуться, въ дѣтскомъ какомъ-то раболѣпствѣ называя Карамзина Богъ знаетъ чѣмъ! Это дѣлаетъ честь памяти и сердцу, но не философіи поэта!" [illegible]) Спустя два года, Полевой, возвращаясь къ оцѣнкѣ „Бориса Годунова" и [illegible] на бѣдность идеи и ошибочность въ созданіи характеровъ Годунова и Самозванца, говоритъ: „При ошибкѣ въ двухъ главныхъ характерахъ, гдѣ же Польша, гдѣ боярство русское, гдѣ народъ, гдѣ подробности событій? Все это скрыто за кулисами" [13]). Самое построеніе пьесы осуждается Полевымъ въ такихъ любопытныхъ строкахъ: „Будучи столь неудовлетворителенъ въ отношеніи *исторической* правды, „Борисъ Годуновъ" долженствуетъ быть также неудовлетворителенъ и въ *драматическомъ* изяществѣ, ибо, уклоняясь отъ исторіи, поэтъ не замѣнилъ сего уклоненія ничѣмъ фантастическимъ. Нѣтъ единства ни въ дѣйствіи, ни въ развитіи частей, ни

въ прямой характеръ; нѣтъ жизни въ подробностяхъ; [illegible] дѣйствіе хочетъ развиться, [illegible] знакомятся съ ними, какъ все опять исчезаетъ, и мы не знаемъ ни дѣйствія ни лицъ, пока они не придутъ вновь и не разскажутъ намъ, что сдѣлалось, пока они скрывались за кулисами“ [76]). Отзывъ Полевого о драмѣ Бориса Годунова заключается въ томъ, что Пушкинъ, рѣзко сказа Карамзину, обнаружилъ полной самостоятельности въ освѣщеніи событій и характеровъ.

Хотя разборъ Бѣлинскаго „Бориса Годунова“ съ эстетической точки зрѣнія страдаетъ непослѣдовательностью и исполненъ противорѣчій во взглядѣ на самого Бориса, тѣмъ не менѣе критикъ очень вѣрно указалъ на прелесть многихъ сценъ и на [illegible]. Вообще должно сказать, что критика Полевого по отношенію къ Пушкину была [illegible]. На первомъ [illegible] Пушкина онъ относился весьма сочувственно; но когда талантъ Пушкина окончательно созрѣлъ и поэтъ вышелъ на самостоятельный путь творчества, Полевой обнаружилъ слабость эстетическаго вкуса и непониманіе лучшихъ его произведеній.

По той же причинѣ еще менѣе понятъ былъ Полевымъ Гоголь. Еще въ первыхъ произведеніяхъ Гоголя, носившихъ романтическій характеръ, каковы, напримѣръ, „Вечера на хуторѣ близъ Диканьки“, Полевой видѣлъ признаки таланта и дарованія, но появленіе „Ревизора“ совершенно смутило его. Требуя отъ поэзіи выраженія національности, изображенія дѣйствительности, однако Полевой желалъ видѣть эту послѣднюю въ поэтическомъ [illegible]. Поэтъ объ вооружился противъ пошлой и грязной, по мнѣнію критика,

дѣйствительности, которую изображал Гоголь. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вооружился противъ „цинизма“ языка. Комедія „Ревизоръ“ вызвала слѣдующій приговоръ: „Ревизоръ“ — [illegible] который нравится именно тѣмъ, что нѣтъ ни [illegible], ни [illegible], ни завязки, ни развязки, ни опредѣленныхъ характеровъ. [illegible] въ немъ неправильный, лица — уродливые гротески, [illegible] — китайскія тѣни, произношеніе необыкновенное и [illegible], но все вмѣстѣ упоительно смѣшно, какъ русская сказка о тяжбѣ ерша съ лещомъ, какъ повѣсть о дурнѣ, какъ малороссійская пѣсня: танцовала рыба съ ракомъ“ [75]).

Между тѣмъ въ какихъ восторженныхъ словахъ выливается оцѣнка Бѣлинскимъ этого произведенія! „Въ „Ревизорѣ“, говоритъ онъ, нѣтъ сценъ лучшихъ, потому что нѣтъ худшихъ, и всѣ превосходны, какъ необходимыя части, художественно образующія собою единое цѣлое, окруженное внутреннимъ содержаніемъ, а не внѣшнею формою, и потому представляющее собою особый и замкнутый въ самомъ себѣ міръ [illegible]. Бѣлинскій оканчиваетъ разборъ, скрѣпя сердце, что ему приходится отторгаться отъ такого дивнаго произведенія.

Появленіе „Мертвыхъ душъ“ заставило Полевого сильно грустить о паденіи таланта. Приступая къ ихъ разбору, Полевой замѣчаетъ, что Гоголь идетъ по ложному пути, что дарованіе все болѣе и болѣе оставляетъ его. „*Похожденія Чичикова*, — говоритъ онъ, — также любопытная загадка для исторіи литературы и человѣческаго сердца. Здѣсь видимъ, до какой степени можетъ увлечься съ прямой дороги дарованіе, и какія уродливости создаетъ оно, изъ путемъ превратнымъ. Съ чего началъ *Ревизоръ*, то кончилъ *Чичиковъ*“... Затѣмъ, разбирая поэму Гоголя, Полевой находитъ фабулу этого произведенія неестественной и ложной, а содержаніе сплошной карикатурой.

„Мертвыя души“ сколокъ съ „Ревизора“, говоритъ онъ, — опять какой-то мошенникъ пріѣзжаетъ въ городъ, населенный плутами и дураками, мошенничаетъ съ ними, обманываетъ ихъ, боясь преслѣдованія, уѣзжаетъ тихонько, и — конецъ поэмѣ. Надобно ли говорить, что шутка, въ другой разъ повторенная, уже становится скучна, а еще болѣе, если она растянута на 175 страницъ? Но если мы къ тому прибавимъ, что „*Мертвыя души*“, составляя грубую карикатуру, держатся на необыкновенныхъ и несбыточныхъ подробностяхъ, что лица въ нихъ всѣ до одного небывалыя преуглаченья, отвратительные мерзавцы или пошлые дураки — всѣ до одного, повторяемъ, что подробности разсказа исполнены такихъ отсебятинъ, что иногда бросаете книгу невольно, и, наконецъ, что языкъ разсказа, какъ языкъ г-на Гоголя въ *Римѣ* и *Ревизорѣ*, можно назвать собраніемъ ошибокъ противъ логики и грамматики, спрашиваемъ, что сказать о такомъ созданіи? Не должно ли съ грустнымъ чувствомъ видѣть въ немъ уклонъ дарованія прекраснаго, и пожалѣть еще объ одной изъ утраченныхъ надеждъ нашихъ, пожалѣть тѣмъ болѣе, что паденіе автора умышленно и добровольно“. Но и этого мало: отрицая въ „Мертвыхъ душахъ“ всякое художественное достоинство, Полевой видитъ въ нихъ искаженіе дѣйствительной жизни и клевету на Россію: „Гдѣ, скажите, гдѣ видали вы города, въ которыхъ ни *одно* свѣтлое чувство не мелькнуло бы въ душѣ ни *одного* обитателя — гдѣ добродѣтель, умъ, честь, всѣ общественныя связи были бы всѣми позабыты, попраны — гдѣ невѣжество и развратъ тяготѣли бы равно и безразлично надъ всѣми — гдѣ, наконецъ, самая природа была бы мертва, грустна, печальна безъ измѣненія? Не говорить о Россіи, укажите намъ, гдѣ угодно, такой городъ. Въ самыхъ дикихъ,

варварскихъ племенахъ, у кафровъ, чукчей, эскимосовъ есть добро, есть чувство, въ *своихъ* формахъ, въ *своемъ* человѣкѣ, но *есть они,* ибо таковъ человѣкъ! Еще больше, если вы предполагаете вашъ проклятый городъ въ Россіи, то клевещете не только на человѣка, но и на родину свою. Зная Россію, можетъ-быть, больше васъ, изъ всякихъ сословій, направленіяхъ, живши и съ барами русскими и съ мужиками русскими, посѣщавши и великолѣпные *салоны* и курныя избы русскія, смѣло называемъ ложью и выдумкою изображеніе въ „Мертвыхъ душахъ". Кто противъ того, что есть у насъ, какъ и вездѣ, Собакевичи, Плюшкины, Ноздревы, но *не такіе они,* да если бы и такіе попались вамъ, — они исключенія, уроды. Какъ же по собранію уродовъ изображаете вы человѣка, и гдѣ *естественность* и *вѣрность* изображеній, за которыя превозносите вы „Мертвыя души"? Вотъ какими наигуманными любопытными строками онъ заканчиваетъ разборъ „Мертвыхъ душъ": „Если бы осмѣлились взять на себя отвѣтъ автору отъ имени Руси, мы сказали бы ему: Милостивый государь! Вы слишкомъ много о себѣ думаете, ваше самолюбіе даже забавно, но мы знаемъ, что у васъ есть дарованіе, и только та бѣда, что вы немножко сбились съ панталыку. Оставьте въ покоѣ вашу „вьюгу вдохновенія", поучитесь русскому языку и разсказывайте какъ прежнія ваши сказочки объ Иванѣ Ивановичѣ, о коляскѣ, о носѣ, и не пишите ни такой галиматьи, какъ вашъ „Римъ", ни такой чепухи, какъ ваши „Мертвыя души". Впрочемъ, воля ваша".

Бѣлинскій, наоборотъ, говоритъ, что „Мертвыя души" стоятъ весьма высоко въ русской литературѣ, ибо въ нихъ глубокость живой общественной идеи неразрывно сочеталась съ удивительною художественностью образовъ, и этотъ романъ, почему-то

названный поэмою, представляетъ собою произведеніе, столько же національное, сколько и высокохудожественное“ [51]).

Хотя Полевой и допускалъ даже непростительные промахи въ одномъ корифеѣ русской эпической словесности, однако это нисколько не можетъ послужить признакомъ его грубаго отношенія къ романтическимъ критикамъ. Полевого ея важнаго значенія: она расширяла объемъ литературы, открывъ въ эпическомъ эпосѣ человѣка, въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, вполнѣ источника для творчества; она дала свободу чувству и уму закрѣпощенному претендовавшимъ направленіемъ; она гнѣвнѣе старалась установить отношеніе произведеній писателя другъ къ другу и къ обществу; она колебала, кромѣ того, незыблемо поставленные предшествующіе критиковъ авторитеты — Сумарокова, Херасова, Петрова. Особенно Полевой возставалъ противъ безталанныхъ литераторовъ, плохихъ журналистовъ. „Нѣтъ возможности перечислить, говоритъ Бѣлинскій, всѣ авторитеты, уничтоженные имъ! И сколько было тогда великихъ писателей, которые путнаго ничего не написали! Одинъ дурными стихотворцами переложилъ расиновскую трагедію; другой написалъ мадригалъ Лилеѣ и тролетъ Хлоѣ, третій пѣсню плачевныхъ стишонковъ, четвертый сентиментальную повѣсть; извѣстность пятаго была основана на статьѣ, выкраденной изъ иностранной книги, а шестой просто издалъ за свое сочиненіе заочный трудъ какого-нибудь стараго русскаго писателя. „Московскій Телеграфъ“ на все навелъ справки, все вспомнилъ, все вывелъ наружу... Многимъ сказалъ онъ, что ихъ сочиненія, въ свое время, могли имѣть относительную цѣнность, но что время ихъ прошло, и что теперь мальчики пишутъ лучше ихъ, заслуженныхъ и знаменитыхъ авторовъ“ [52]).

IV

Романтическое направленіе кратко [illegible] которой былъ, главнымъ образомъ, Поле[illegible], [illegible] сказать, вдохновлялось философіею, [illegible] накопленіемъ и разработкою [illegible] Московской Университета, впослѣдствіи профессоръ Московскаго Университета, Надеждину, читавшему теорію изящныхъ искусствъ. [illegible] въ построеніи лекцій, неожиданность выводовъ, при неистощимомъ и непоражающемъ даръ слова, [illegible] Надеждина въ неописуемый восторгъ.

„Надеждинъ, писалъ К. С. Аксаковъ, производилъ, сначала своего профессорства, [illegible] лекціями. Онъ всегда импровизировалъ. Услышавъ умную, плавную рѣчь, почуявъ, такъ сказать, воздухъ мысли, молодое поколѣніе съ жадностью и благодарностью обратилось къ Надеждину, но скоро увидало, что ошиблось въ своемъ увлеченіи. Надеждинъ не удовлетворялъ [illegible] скоро замѣтили сухость его словъ, собственное безучастіе къ предмету и недостатокъ серіозныхъ занятій. Тѣмъ не менѣе, справедливо и строго оцѣнивъ Надеждина, студенты его любили. Я помню, что Станкевичъ, говоря о недостаткахъ Надеждина, прибавлялъ, что Надеждинъ много пробудилъ въ немъ своими лекціями, и что если онъ, Станкевичъ, будетъ въ раю, то Надеждину за то обязанъ. Надеждина любили за то еще, что онъ былъ очень деликатенъ со студентами. Обладая текучею рѣчью, закрывая глаза и покачиваясь на каѳедрѣ, онъ говорилъ безъ-умолку“ [53])... И. А. Гончаровъ, другой слушатель Надеждина, свидѣтельствуетъ: „Вмѣстѣ съ Каченовскимъ и[illegible] уваженіе и [illegible] профессора [illegible]

ныхъ искусствъ и археологіи Н. И. Надеждинъ. Это былъ человѣкъ съ многосторонней, всѣмъ извѣстною ученостью по части философіи и филологіи. Это былъ самый симпатичный [illegible] профессоръ. Онъ былъ намъ дорогъ своимъ вдохновеннымъ, горячимъ словомъ, которымъ вводилъ насъ въ таинственную даль древняго міра, [illegible] Греціи и Римъ. [illegible] обзоръ важнѣйшихъ философскихъ ученій, и студенты знакомились съ Кантомъ, Фихте, Шеллингомъ и Гегелемъ. Надеждинъ далъ и критикѣ глубокіе принципы, открытые для эстетики нѣмецкою наукою. Онъ поднялъ вопросы объ идеѣ, какъ душѣ художественныхъ произведеній, объ искусствѣ, о самобытности. Принципы его критики (мы имѣемъ въ виду только словесность) были иные, чѣмъ романтической. Поэту, съ точки зрѣнія романтики, являющемуся въ мірѣ, съ особеннымъ устройствомъ души, съ поэтическимъ взглядомъ, съ пареньемъ неземнымъ, даютъ понять, что пребываніе только въ собственномъ мірѣ и самонаслажденіе въ немъ безполезно, что его сочиненія должны отражать не созерцательныя психическія состоянія и апріористическія воззрѣнія, внѣ условій политической и общественной жизни, а носить на себѣ отпечатокъ „философіи времени". Неопредѣленное и неизъяснимое замѣняется конкретнымъ и въ область изящной словесности входитъ дорогое содержаніе — народность. Надеждинъ, во имя [illegible] произведенія должны отражать въ себѣ „родное небо, родную землю, [illegible] жизнь, родную славу, родное величіе". Этотъ постулятъ народности для поэтическихъ произведеній вытекъ у него изъ

слѣдованія психологической сущности и элементовъ поэтическаго творчества, въ которомъ онъ разсуждаетъ на такое изображеніе, которое считалось бы съ бытовой обстановкой, съ народными преданіями, съ умственнымъ и народнымъ складомъ. Разсматривая явленія литературы, онъ приходитъ къ мнѣнію, что „доселѣ во всѣхъ поэтическихъ нашихъ условіяхъ господствовало вдохновеніе несамобытное, чужое, экзотическое: лучшіе, блестательнѣйшіе цвѣты нашей поэзіи возрастали въ оранжерейной атмосферѣ подражанія“.

Такое воззрѣніе на словесность появилось у Надеждина не сразу: на первыхъ порахъ его литературной дѣятельности имъ управлялъ отжившій идеализмъ, отрицавшій его отъ дѣйствительности и заводившій въ дебри предсужденій объ искусствѣ. Если, съ другой стороны, къ этому присоединяли недостаточное присутствіе въ немъ эстетическаго вкуса и противорѣчіе между его теоретическимъ ученіемъ, что „въ новой поэзіи должна лежать примиреніе классицизма и романтизма“ и практическимъ его осуществленіемъ, то понятны будутъ его несправедливыя оцѣнки литературной дѣятельности писателей. Достаточно указать на его воззрѣнія, напримѣръ, на Пушкина, особенно въ первыхъ порахъ своей литературной дѣятельности.

Надеждинъ съ злобой напалъ на граціозную шутку Пушкина „Графъ Нулинъ“, благосклонно принятую многими изъ тогдашнихъ журналовъ. „Если имя поэта (ποιητής), говоритъ онъ, должно оставаться всегда вѣрнымъ своей этимологіи, по которой означало оно у древнихъ грековъ *твореніе изъ ничего:* то пѣвецъ *Нулина* есть par excellence поэтъ. Онъ *сотворилъ* чисто изъ *ничего* сію поэму. Но зато и оправдалась надъ ней во всей силѣ древняя аксіома іонійской фи-

лософской школы, на которую столь напялили позднѣйшіе кретиноманіяки, что *изъ ничего ничего не бываетъ* (ex nihilo nihil fit). Никогда произведеніе не соотвѣтствовало такъ вполнѣ посвоему имъ имени. *Графъ Нулинъ* есть *нуль* во всей математической полнотѣ значенія сего слова. Глубокомысленный Бантъ поставилъ существеннымъ характеромъ *комическаго* то, что ожиданіе, имъ возбуждаемое, превращается въ *ничь*. Наш *Нулинъ* не можетъ имѣть и на то претензіи. Онъ не возбуждаетъ никакихъ ожиданій, кромѣ чисто *нулевыхъ*. И мы — не безъ сердечнаго, конечно, раскаянія въ позволяемомъ себѣ кощунствѣ — можемъ сказать языкомъ великаго Галлера: „Взгромождаю *нули* на *нули*, умножаю ихъ, возвышаю въ безчисленныя степени: и ты, *нуль!* останешься всегда весь, всегда равенъ себѣ — предо мною!“ Извиняясь предъ читателемъ за свое уклоненіе отъ подробнаго изложенія содержанія разбираемой поэмы, критикъ замѣчаетъ, что если бы онъ это и сдѣлалъ, то все-таки „Нулинъ“ какъ „мыльный пузырь, блестящій столь прелестно всѣми радужными цвѣтами, разлетается въ прахъ отъ малѣйшаго дуновенія... Что же тогда останется? Тотъ же *нуль* — но въ добавокъ... безцвѣтный! А эта *цвѣтность* составляетъ все оптическое бытіе его!... Скажемъ посему только pro forma: *Графъ Нулинъ проглотилъ пощечину Натальи Павловны;* геній поэта переварилъ ее съ творческимъ одушевленіемъ и... разрѣшился *Нулинымъ*. C'est le mot de l'énigme!...“

Затѣмъ критикъ, выписавъ начало произведенія и описаніе картины сельскаго двора, здовато замѣчаетъ: „Неужели въ широкой рамѣ чернаго барскаго двора не умѣстились бы двѣ, три хавроньи, кои, разметавшись по-султански на пышныхъ диванахъ топучей грязи, въ блаженномъ самодовольствіи и

совершенно епикурейской беззаботности о всемъ окружающемъ ихъ, могли бы даже сообщить нѣчто занимательное изображенному зрѣлищу?... Почему поэтъ, представляя баню, идущую развѣшивать бѣлье, черезъ грязный дворъ, уклонился нѣсколько отъ вѣрности, позабывъ изобразить, какъ она, со всѣмъ деревенскимъ жеманствомъ, подымала [illegible] подолъ своей пестрой понявы,

Чтобы ей воскрилій
Не омочить *усыпленною грязнаго* моря волною? .

Еще болѣе вооружается Надеждинъ на Пушкина за несвязность сюжета, за почти пилиграмство Пулана и т. п. „Развѣ въ натурѣ есть вещи, говоритъ онъ, которыя совсѣмъ нейдутъ для показу?... Дай себѣ волю... пожалуй, залетишь и — Богъ вѣсть! — куда! — отъ спальни недалеко до дѣвичьей; отъ дѣвичьей — до передней; отъ передней — до сѣней; отъ сѣней — дальше и дальше?... Мало ли есть мѣстъ и предметовъ, еще болѣе *отвратительныхъ*, могущихъ представить новое неразработанное и нечистоплотное поле для грубозобыхъ [illegible]! .. Немудрено дождаться, что насъ поведутъ и туда со временемъ! — Что жъ касается до повѣсничествъ и безпутствъ, то имъ *нѣтъ числа!*... Выставлять ихъ напоказъ, значитъ оскорблять человѣческую природу, которая не можетъ никогда вынести равнодушно собственнаго унижения. Почему и желательно было бы, чтобъ они не выходили никогда изъ того мрака, въ коемъ обитаютъ и совершаются!“ Въ заключеніе своего разбора Надеждинъ считаетъ это произведеніе „прыщикомъ на лицѣ вдовствующей литературы“ [53]).

Бѣлинскій же, при разборѣ этого произведенія Пушкина, высказываетъ иное воззрѣніе. Онъ говоритъ: „Графъ Пулинъ, — не болѣе, какъ легкій сатирическій очеркъ одной стороны на-

шего общества, но очеркъ, сдѣланный рукою въ высшей степени художественною... Въ этой повѣсти все такъ и дышитъ русскою природою, сѣренькими красками русскаго деревенскаго быта. Здѣсь цѣлый рядъ картинъ въ фламандскомъ вкусѣ, — и ни одна изъ нихъ не уступитъ въ достоинствѣ любому изъ тѣхъ произведеній фламандской живописи, которыя такъ высоко цѣнятся знатоками. Нельзя не подивиться легкости, съ какою поэтъ схватываетъ въ „Графѣ Нулинѣ" самыя характеристическія черты русской жизни... Говорить ли, что вся поэма исполнена ума, остроумія, легкости, граціи, тонкой ироніи, благороднаго тона, знанія дѣйствительности, написана стихами, въ высшей степени превосходными? Пушкинъ вообще и не умѣлъ писать, — а „Графъ Нулинъ" есть одно изъ умнѣйшихъ его произведеній" [44]. Отдавая по достоинству это произведеніе Пушкина, Бѣлинскій въ то же время и защищаетъ его отъ нападокъ педантической критики: „Эта поэма, говоритъ онъ, въ первый разъ была напечатана въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ" 1828 года, а отдѣльно издана въ 1829 году. Тогда-то опрокинулась на нее со всѣмъ остервенѣніемъ педантическая критика. Главною виною поставлена была „Графу Нулину" пустота, будто бы, его содержанія. По убѣжденію этой критики, поэзія должна занимаиться только такими предметами, какіе обрѣтаются въ одахъ Ломоносова, его „Петріадѣ", одахъ Петрова и столь любимыхъ Державина. Ей, этой неотесанной критикѣ, и въ голову не входило, что все это высокопарное и торжественное нѣсношеніе, взятое массою, далеко не стóитъ одной страницы изъ „Графа Нулина". Потомъ поставлена была въ великое преступленіе „Графу Нулину" непристойная вольность его содержанія и изложенія, будто бы оскорбляющая хорошій тонъ свѣтскаго общества. Бѣдная критика! она любезности

училась въ дѣвичьихъ, а хорошаго тона набиралась съ гуляхожихъ: удивительно ли, что „Графъ Нулинъ“ такъ сильно оскорбилъ ея тонкое чувство приличія? Бѣдная критика! Она и до сихъ поръ добродушно убѣждена въ словахъ [illegible] ньного свѣта и нещадно преслѣдуетъ „Мертвыя души“ за нарушеніе условій хорошаго тона, — а большой свѣтъ, неблагодарный, до сихъ поръ не хочетъ и подозрѣвать существованія ея, бѣдной критики, и съ такимъ же наслажденіемъ читаетъ „Мертвыя души“, съ какимъ нѣкогда читалъ „Графа Нулина“, не видя ни въ томъ, ни въ другомъ произведеніи ничего противнаго и оскорбительнаго тому, что называетъ онъ „хорошимъ тономъ“ и „приличіемъ“ [87]).

Еще беззастѣнчивѣе и грубѣе былъ отзывъ Надеждина о „Полтавѣ“. При бездоказательномъ глумленіи надъ Пушкинымъ, Надеждинъ во всей наготѣ обнаружилъ слабое развитіе эстетическаго вкуса. Критикъ, написавшій по обычаю разборъ въ диалогической формѣ, устами Пасла Сидича Прекраснина приписываетъ Пушкину неблагородную заботу „спасти частей“ своего произведенія, осуждаетъ его за самовольное искаженіе „исторической достовѣрности“, ставитъ ему въ упрекъ изображеніе народности, напоминающее изображеніе таковой въ „Иванѣ Выжигинѣ“ Булгарина, осуждаетъ неудачное изображеніе характера Мазепы, Кочубея и другихъ лицъ, и весь „поэтически машинальнѣ поэмы, движущійся пострадавшими усами Мазепы“ [88]).

Иначе смотритъ на „Полтаву“ Бѣлинскій. „Обращаясь къ отдѣльнымъ красотамъ „Полтавы“, говоритъ онъ, не знаешь на чемъ остановиться — такъ много ихъ. Почти каждое мѣсто, отдѣльно взятое наудачу изъ этой поэмы, есть образецъ высокаго художественнаго мастерства. „Полтава“ принадлежитъ

къ числу превосходнѣйшихъ твореній Пушкина... Какъ архитектурное зданіе, она не поражаетъ общимъ впечатлѣніемъ, нѣтъ въ ней никакого преобладающаго элемента, къ которому бы всѣ другіе относились гармонически; но каждая часть въ отдѣльности есть превосходное художественное произведеніе. И никогда еще до сего времени нашъ поэтъ не употреблялъ такихъ драгоцѣнныхъ матеріаловъ на свои зданія, никогда не отдѣлывалъ ихъ съ большимъ художественнымъ совершенствомъ. Сколько простоты и энергіи въ его стихѣ! Какая живая соотвѣтственность между содержаніемъ и колоритомъ языка, которымъ оно передано! Есть что-то оригинальное, самобытное, чисто русское въ тонѣ разсказа, въ духѣ и оборотѣ выраженій! И между тѣмъ, какъ курно была принята эта поэма! Одинъ критикъ, желая выказать посильное свое остроуміе, назвалъ героиню бѣлоручкою, а всю картину казни — отвратительною! Вотъ ужъ подлинно бѣлоручка! Другой посмѣялся, какъ надъ нелѣпостью, надъ любовью старика Мазепы къ молодой дѣвушкѣ, и находилъ оправданіе этого факта развѣ только въ русской пословицѣ: сѣдина въ бороду, а бѣсъ въ ребро. Третій говорилъ, что всѣ дѣйствующіе лица „Полтавы" карикатуры, на основаніи отзывовъ Мазепы о Карлѣ XII и Петрѣ Великомъ!.. И все это тогда читалось: многіе даже вѣрили дѣйствительности такихъ отзывовъ...[82]) „Кавказскаго плѣнника", „Бахчисарайскій фонтанъ", „Цыганъ", „Братьевъ разбойниковъ" Надеждинъ называетъ на ряду съ *Полтавой* тоже народными. Считая и „Онѣгина" „прелестною, блестящей игрушкой", „поэтическою бездѣлкою", „пародіей на жизнь", „арабескою міра нравственнаго", Надеждинъ говоритъ: „На мои глаза романъ Евгеній Онѣгинъ — это рама, въ которую нашему поэту заблагоразсудилось вставить свои

фантастическія наблюденія надъ жизнью, представляемо-
ему, — не съ степеннаго лица, а съ смѣшной стороны! Бла-
рама сластерена неудачно; по *характеру*, выдаваемому ея, —
большею частью — пренестно! . Онъ производитъ какой эф-
фектъ, требующійся отъ подобныхъ поэтическихъ сюжетовъ.
Ихъ можно слушать —

Безъ скуки, добровольно,
И могутъ *завсегда* улыбку съ насъ сорвать!.

а иногда — и полный сардоническій хохотъ!... Пусть поэтъ
нашъ продолжаетъ тѣшить насъ съ такимъ, ему одному свой-
ственнымъ, искусствомъ. Это нимало не унижаетъ его та-
ланта. Гдѣ жизнь окисаетъ и плѣсневѣетъ, тамъ поэзія имѣетъ
полное право морщиться и гримасничать!... И я признаюсь
охотно, искренно, что дожидаюсь *семи* новыхъ *главъ Онѣ-*
гина съ большимъ нетерпѣніемъ и надѣюсь отъ нихъ большаго
удовольствія — даже большей чести нашей литературѣ — чѣмъ
отъ одиннадцати толстыхъ грудъ *сумбура*, посвященнаго *Не-*
сторомъ[19]. Впрочемъ, болѣе благосклоненъ былъ отзывъ На-
деждина о „Борисѣ Годуновѣ“[21]).

Не найти въ произведеніяхъ Пушкина широкаго изобра-
женія природы и различныхъ проявленій свойствъ человѣче-
скаго духа, Надеждинъ говоритъ, что его вдохновляетъ только
пушкъ, да, бордо, дамска ножка, будуарное удальство, вло-
нанное по-дворянчество. Самая муза Пушкина, по мнѣнію
Надеждина, „рѣзвая шалунья, для которой весь міръ ни въ
копейку. Ея стихія — пересмѣхать все — худое и хорошее —
не изъ злости или презрѣнія, а просто изъ охоты позубоска-
вать. Это то сообщаетъ особую физіономію поэтическому на-
правленію Пушкина, отличающую оное рѣзко отъ Байро-
новой мизанторопіи и отъ Жанъ-Поэвъ юморизма. Поэ-

Пушкина есть просто — *карикатура*. Нечего Бога гнѣвить!.. что правда, то правда!.. мастеръ посѣдаться и посѣдить... когда только, разумѣется, знать честь и міру! И если можно быть великимъ въ малыхъ дѣлахъ, то Пушкина можно назвать по *всѣмъ правиламъ* **геніемъ на** *карикатуры*“ [92]).

Бѣлинскій, напротивъ, съ какою силою убѣдительности и неослабнущею постоянностью возвѣщаетъ отличительныя черты его поэзіи: гуманность, народность и художественный такъ!“ [93]).

Чтобы объяснить себѣ такое странное отношеніе Надеждина къ Пушкину, представителю новой школы, нужно имѣть въ виду, что Надеждинъ, какъ мы уже сказали, не надѣленный эстетическимъ чутьемъ, къ тому же былъ геетда ярымъ врагомъ романтизма, противъ господства котораго онъ постоянно ратовалъ. Высказывая, что русскіе XIX вѣка вовсе не наслѣдники среднихъ вѣковъ, Надеждинъ съ свойственною ему остроумностью и злостностію осмѣиваетъ страстные порывы къ чему-то фантастическому, эксцентрическому, необыкновенному, — ко всему тому, что носитъ на себѣ лишь признаки сурраго романтизма. Взяв въ произведеніяхъ литературы много фальшиваго, напускного, подражательнаго, Надеждинъ, „отсутствіе народности объявлялъ какъ величайшее литературное бѣдствіе“. Какъ бы ни были ошибочны его сужденія о нѣкоторыхъ представителяхъ русской изящной словесности, однакожъ нельзя отрицать того, что Надеждинъ, въ противоположность Полевому, далъ болѣе строгую критику, научно обоснованную. Его разсужденія по философіи и эстетикѣ, къ которымъ прислушивалось молодое поколѣніе, роднили его и съ Бѣлинскимъ. Не безъ основанія Ап. Григорьевъ въ своемъ отзывѣ говоритъ, что Надеждинъ — „одинъ изъ оригинальнѣйшихъ самородковъ, одинъ изъ величайшихъ русскихъ умовъ и одна

изъ громадныхъ учепостей — былъ крестнымъ отцомъ великаго борца" — Бѣлинскаго"

V.

Въ 20-хъ и 30-хъ годахъ, на ряду съ видными представителями указанныхъ ими [illegible] была очень крупная личность, съ которой пришлось сталкиваться Бѣлинскому [illegible] Мы говоримъ о Шевыревѣ, [illegible] словесность въ Московскомъ университетѣ [illegible] цѣломъ критики въ „Московскомъ Вѣстникѣ", издаваемомъ съ 1827 г. по 1830, и въ „Московскомъ Наблюдателѣ", гдѣ онъ принималъ участіе до 1838. Хотя именемъ Шевырева и не создалось особаго направленія въ области критики, тѣмъ не менѣе его статьи, относящіяся къ ней, далеко не были чужды общественнаго руководящаго значенія.

Шевыревъ на [illegible] 25-ти [illegible] свой каѳедру. Дѣятельность его тутъ была многосторонняя: въ курсъ читанныхъ имъ въ разное время лекцій входили исторія изящной словесности, теорія поэзіи, исторія языка и русской словесности. Занимаясь и читая съ любовію и увлеченіемъ столь многоразличные курсы, „представляя, по словамъ Н. С. Тихонравова, своимъ слушателямъ „превосходную теорію воззрѣній на поэзію", Шевыревъ болѣе приложилъ старанія и болѣе внесъ симпатій, по мнѣнію того же ученаго „къ той обширной, почти нетронутой руками изслѣдователей, области, памятники которой лежали, большею [illegible] но не доступались [illegible]."

Ему первому принадлежала честь „положить начало разъяс

ненію той области, гдѣ всего искреннѣе и ярче выражается [illegible] русской словесности". Методъ историческаго изученія и разработки русской словесности, впервые [illegible] Шевыревымъ въ преподаваніи, выработался и создался у него, благодаря знакомству съ современнымъ ему движеніемъ науки на Западѣ, гдѣ, какъ извѣстно, „историческая школа [illegible] возникла изъ обновленнаго романизма"; то, обстоятельство первой русской словесности представлять [illegible] преобладаніе, „обращаемое почти, какъ аксіому, обязательную, безусловную предпосылку серіознаго научнаго изслѣдованія". Шевыревъ невольно вносится въ противоположную крайность и оценки ея гораздо болѣе значенія нежели она въ самомъ дѣлѣ имѣетъ. Одностороннему равнодушію к нашей древнѣйшей [illegible] русской литературы, Шевыревъ противопоставляетъ крайнее увлеченіе ею. „Всякая [illegible] русской словесности, говорилъ въ другомъ мѣстѣ Тихонравовъ, обязанная Шевыреву, не нарушавшему преданій [illegible] школы, которая русскую народность, сдѣлалась исходнымъ пунктомъ, къ которому примкнули изслѣдованія русской народной словесности, воздвигнутыя на строго научныхъ началахъ, чуждыя крайнихъ патріотическихъ увлеченій и сантиментальной идеализаціи" [96]).

Такимъ же сочувствіемъ и теплотою дышатъ воспоминанія о профессорской дѣятельности Шевырева другого его ученика — Буслаева, какъ объ опредѣленномъ направленіи профессорской его дѣятельности. Вотъ что онъ говоритъ: „Наконецъ, какъ прибытіе изъ-за границы профессора съ своею германскою образованностью, какъ космополитъ, проповѣдовавшій свои мысли во имя интересовъ общечеловѣческихъ, стремленіе къ которымъ, по ихъ теоріи, должно стереть съ

лась земля немъ разнаго отдѣльнаго [illegible], а не [illegible] русской земли гораздо выростала грубости и варварства, и такимъ образомъ ставили они себя подъ знамя *западничества*, которое пользовалось у насъ тогда [illegible] покровительствомъ: въ то время Погодинъ и Шевырев [illegible] сильные представители русской литературы, которые [illegible] непосредственно изъ рукъ лучшихъ ея представителей [illegible] взяли своимъ принципомъ [illegible], и именно [illegible] *русскую*. Органомъ этого [illegible] направленія [illegible] лись журналъ „*Москвитянинъ*", который съ 1841 года стали издавать Погодинъ при главномъ и постоянномъ сотрудничествѣ Шевырева. Въ числѣ обоихъ, какъ Погодина, такъ и Шевырева, надобно сказать, что дѣятелю профессора и ученаго весьма [illegible] они немаловажное [illegible] [illegible] успѣхомъ публицистики, больше всего радѣли о возрастающихъ интересахъ литературы, науки и университета и въ своихъ частныхъ объясненіяхъ, касающихъ этихъ интересовъ, находили они [illegible] руководство на [illegible] [illegible] періодической печати[illegible]. Мы привели самыя [illegible] замѣчаніе о профессорской дѣятельности Шевырева, чтобы показать, какъ признательны были ему самые даровитые изъ его учениковъ, [illegible] [illegible], какъ профессору [illegible] Московскаго университета. Число такихъ [illegible] отъ компетентныхъ лицъ отзывовъ, свидѣтельствующихъ о сильномъ и благородномъ [illegible] Шевырева на университетскую молодежь, мы могли бы значительно пополнить, если бы въ томъ настояла необходимость[93])

Сильно было вліяніе Шевырева и въ университетскихъ стѣнахъ: публичныя лекціи, читанныя имъ въ разное время, собирали многочисленную публику и имѣли заслуженный успѣхъ[94]).

Пѣть столь многочисленный поклонникъ слушателей, Шевыревъ, тутъ же сказалъ слово, распространяя свои воззрѣнія на словесность.

Большой интересъ представляла и его журнальная дѣятельность, какъ критика, особенно когда она касается оцѣнки произведеній великой словесности, отрасли достоинствъ и особенностей весьма и признанія относительнаго ихъ значенія.

Критическія статьи Шевырева очень разнообразны по своему содержанію, ибо касались произведеній какъ русской, такъ и иностранной литературы. Въ послѣднемъ проявилъ большую эрудицію, высказалъ много вѣрныхъ и здравыхъ сужденій, сохранивъ научную цѣнность и по настоящему времени. Вотъ тебѣ одинъ примѣръ его критическаго чутья и вѣрности взгляда — его взглядъ на народную словесность, высказанный имъ по поводу выдающихся пѣсенъ, изданныхъ Максимовичемъ. „Какъ до сихъ поръ, говоритъ Шевыревъ, мы не спѣшимъ уловить русскія пѣсни, строй родимыхъ сердцу, которыя, можетъ-быть, скоро унесетъ съ собою на вѣки старое поколѣніе!“ [100]) Такое воззрѣніе Шевырева на важное значеніе народной поэзіи, при общемъ въ то время презрѣніи къ ней, какъ къ произведенію выдающагося русскаго ума, на высшей степени замѣчательно и характерно для оцѣнки личности Шевырева.

Въ основу критическихъ статей Шевырева положено было принципа народности. Онъ требовалъ отъ критики національнаго направленія, которое могло сдѣлаться серьезнымъ изслѣдованіемъ русской словесности и разработкой вообще русской науки. Впрочемъ, при этомъ не можемъ не замѣтить, что съ точки зрѣнія Шевырева „въ исторіи словесности отечественной все

занимательно, поучительно и необходимо. Патріотическое чувство заглушало въ изслѣдователѣ голосъ научныхъ требованій и методы. Въ силу этого патріотическаго участія малое по своё, получало въ глазахъ Шевырева особенную цѣну и смыслъ“ [101]).

Какъ бы то ни было, для насъ въ данномъ случаѣ представляетъ интересъ его лекціи по русской словесности, какъ воспитателя вкусовъ молодого поколѣнія, и статьи по литературѣ, какъ публициста-воспитателя и руководителя общественнаго мнѣнія въ области изящной словесности.

Шевыревъ, хотя и образованный, но не надѣленный въ должной мѣрѣ для критика художественнымъ чутьемъ, то возводилъ на значеніе писателей второстепенныхъ, теперь совсѣмъ забытыхъ и рѣдко даже являющихся предметомъ историческаго изученія, то, съ другой стороны, умалялъ значеніе поэтовъ первоклассныхъ. Очень характерны отношенія къ забытому теперь поэту Бенедиктову, подражателю — 100-летняго котораго исполнилось 14 апрѣля сего года, съ одной стороны русскаго образованнаго общества работы г. Шевырева, и съ другой Бѣлинскаго, талантливо полемизирующаго, какъ могучъ и справедливъ, хотя и одиноченъ, былъ голосъ послѣдняго. „Появленіе стихотвореній Бенедиктова, разсказываетъ Панаевъ, произвело страшный шумъ и гвалтъ. Петербургскіе чиновники, профессоръ Московскаго университета Шевыревъ и большинство петербургскихъ литераторовъ, начиная съ Жуковскаго, пришли въ совершенный экстазъ. Жуковскій, говоритъ, бѣгалъ съ ними по царскосельскому саду, пораженный новымъ явленіемъ“ [102]). Я. П. Полонскій разсказываетъ, что „учителя гимназій читали стихи его ученикамъ, дѣвицы ихъ переписывали, пріѣзжіе изъ Петербурга молодые

ренья хвалились, что им удалось заучить наизусть только что изданные стихи Бенедиктова"[100]). Шевыревъ посвящаетъ „этому модному и пылкому" поэту, „поэту мысли", горячія строки. Какъ только появились въ 1835 г. „Стихотворенія Владиміра Бенедиктова", вышедшія подъ такимъ заглавіемъ отдѣльной книжкой въ количествѣ 48, Шевыревъ въ такихъ горячихъ словахъ привѣтствовалъ ихъ автора: „Вдругъ сегодня нечаянно является въ нашей литературѣ новая поэзія, съ высокимъ порывомъ неподдѣльнаго вдохновенія, со стихомъ могучимъ и полнымъ, съ граціею образовъ, но, что всего главнѣе, — съ глубокою мыслію на умѣ, съ чувствомъ нравственнаго идеализма и даже съ нѣкоторымъ опытомъ жизни. Прежде мы не слыхали отъ него ни одного звука. Онъ не донесъ намъ о себѣ ничѣмъ. Онъ таился въ нашей словесности. Онъ пѣлъ про себя и не торопился дать знать о томъ, что и у него есть лира. Совершенно неожиданно раздаются его пѣсни, въ такое время, когда мы, погрузясь въ міръ прозы, уже отчаялись за нашу поэзію, когда мы охладѣли къ ея стихамъ и изрѣдка прослушиваемъ ихъ со вниманіемъ наслажденія. Среди такого поэтическаго затишья играетъ намъ неожиданно новая лира. Разочарованные и холодные, мы встрѣчаемъ эти звуки, сначала съ обыкновеннымъ равнодушіемъ потребленія; но сильная мысль заключена въ этихъ новыхъ звукахъ, тѣснится изъ нихъ, проникаетъ невольно въ нашу усыпленную душу, будитъ ее какими-то свѣжими впечатлѣніями, сначала затрогиваетъ, понемногу завлекаетъ, потомъ мутитъ, обдаетъ чѣмъ-то теплымъ, электризуетъ, овладѣваетъ нами, и мы, давно не испытавшіе восторговъ поэтическихъ, всѣмъ душою предаемся новому наслажденію, которое представляетъ поэтъ внезапный, поэтъ неожиданный"[101]).

Опредѣляя отличительныя свойства поэзіи Бенедиктова, Шевыревъ замѣчаетъ, что „первая черта, которая выдается на физіогномію новаго поэта, есть, какъ [illegible] горкій слѣдъ мысли на челѣ его. Но эта мысль является всегда нераздѣльно слитою съ образами [illegible] только осѣняетъ его какимъ-то грустнымъ, [illegible] томъ и даетъ образу особенное значеніе.

Вторая черта, которую нашъ особенно [illegible] есть могучее нравственное чувство добра, [illegible] цѣломудрія. Да, поэзія муза, которой обязаны мы [illegible] отъ мысли и отъ духа, должна быть непремѣнно музою чисто-нравственною. Муза [illegible], муза [illegible] и стыдливости. [illegible] и съ содержаніемъ своимъ [illegible]. Нашъ [illegible] перекъ цѣлымъ стихомъ, не [illegible] [illegible] стихахъ разсыпалась [illegible] наслажденій: это было какое-то язычество въ нашей поэзіи, [illegible] Воображеніе [illegible] картинами любви нечистой — и самые звуки располагали къ сладострастію. Новый поэтъ выходитъ въ міръ не безъ грѣшныхъ [illegible] не безъ воспоминаній [illegible] съ ними или чувство какого-то чистаго покаянія, или чувство первой, идеальной, незабвенной любви, — и, наконецъ, выноситъ изъ жизни чувство вѣры и чувство благороднаго рвенія за добро и за правду“ [10]).

Приведя нѣсколько стихотвореній Бенедиктова для доказательства нравственности, цѣломудрія [illegible] [illegible] прекрасныхъ чувствъ, [illegible] [illegible] [illegible]

Пой, гремя, полей глашатай!
Пѣснью чудной и богатой;
Ты счастливому звучишь
Такъ роскошно, бурно, страстно,
А съ печальнымъ такъ согласно
Гармонически грустишь
Пой, звучи, дитя свободы!
Мнѣ понятна пѣснь твоя:
[illegible] матери-природы
[illegible] [illegible]ялась моя[105])

[illegible] хор [illegible], звучать слова [illegible] Бенедиктовъ! [illegible] блескъ поэзіи Бенедиктова" они не находятъ [illegible] „страстности выраженія, [illegible] они, [illegible] только [illegible] признакомъ отсутствія [illegible]. Мы [illegible] присоединяемся къ числу тѣхъ, которые въ [illegible] натуральнаго таланта Бенедиктова не видятъ [illegible], [illegible] [illegible] выраженія, [illegible] эквилибристику"[107] Такъ Бѣлинскій повергалъ кумиръ, имѣвшій многочисленный кругъ читателей и подражателей, который „слагалъ для милой дѣвы симфоніи сердечныя свои" и воспѣвалъ „мускусъ любви", „взятки сладострастія", „перси", [illegible]. [illegible] [illegible] Бѣлинскаго привело въ смущеніе почитателей этого ходульнаго божка. „Я — пишетъ Тургеневъ — не хуже другихъ упивался стихами Бенедиктова, зналъ много наизусть, восторгался „Утесомъ", „Горами" и даже „Матильдой" на жеребцѣ, гордившейся „усѣстомъ красивымъ и плотнымъ". Вотъ, въ одно утро зашелъ ко мнѣ [illegible] и [illegible] сообщилъ мнѣ, что въ [illegible] Бераже появился N. Телескопа" [illegible] статья Бѣлинскаго, въ которой [illegible] [illegible] [illegible]

ніемъ. Но, странное дѣло! и во время чтенія и послѣ, къ собственному своему изумленію и даже досадѣ, что-то во мнѣ невольно соглашалось съ „критиканомъ", находило его доводы убѣдительными... неотразимыми. Я стыдился [illegible] неожиданнаго внезапнѣнія; я старался [illegible] внутренній голосъ; въ кругу пріятелей я съ большей еще рѣзкостью отзывался о самомъ Бѣлинскомъ и объ его статьѣ... но въ глубинѣ души что-то продолжало шептать и мнѣ, что *онъ былъ правъ*... Прошло нѣсколько времени, и я уже не читалъ Бенедиктова. Кому же не извѣстно теперь, что мнѣнія, высказанныя тогда Бѣлинскимъ, — мнѣнія, казавшіяся дерзкой новизной, стали всѣми принятымъ общимъ мѣстомъ" [108]).

Большая часть посредственности, [illegible] оцѣнкой истинныхъ корифеевъ русской литературы. Любопытны его взгляды на Лермонтова. Онъ отрицаетъ напримѣръ, самостоятельность въ поэзіи Лермонтова: „Когда вы внимательно прислушаетесь къ звукамъ Лермонтова, то вамъ Шевыревъ тамъ скажетъ [illegible] то Пушкина, то Кирши Даниилова, то Дениса Давыдова, то Баратынскаго, то Бенедиктова" [109]). Неблагопріятенъ былъ отзывъ Шевырева о „Героѣ нашего времени", особенно въ изображеніи характеровъ и [illegible] Лермонтова — языкѣ.

Съ какимъ восторгомъ, наоборотъ, отзывается Бѣлинскій о богатствѣ содержанія стихотворенія Лермонтова [illegible] его языка! „Свѣжесть благоуханія, говоритъ онъ, художественная роскошь формъ, поэтическая прелесть и обаятельная простота образовъ, энергія, мощность языка, [illegible] и металлическая звучность стиха, полнота чувства, глубокость и разнообразіе [illegible] содержанія — суть [illegible]

характеристическія черты поэзіи Лермонтова и залогъ съ обѣщаніемъ развитія" „Герой нашего времени", по воззрѣнію Бѣлинскаго, „сопоставляя съ Лермонтовымъ такого же великаго поэта и прозаика, какъ [illegible] сказано. Этотъ романъ былъ гнѣвомъ, полнымъ опредѣленнаго [illegible]. Въ немъ авторъ является рѣшителемъ [illegible] современныхъ вопросовъ... Не составляя цѣлаго по строгому художественному смыслу, почти всѣ вмѣстѣ его романы образуютъ собою огромнѣйшіе поэтическіе міры" [110]).

Еще болѣе различія во взглядахъ Шевырева и Бѣлинскаго сказалось въ оцѣнкѣ дѣятелей новѣйшаго періода русской литературы. Здѣсь критики наступали другъ противъ друга и съ горячностію и страстностію отстаивали свои убѣжденія.

Говоря о Достоевскомъ, [illegible] достоверно предсказывавшемъ), какъ мы видѣли, „Бѣдныхъ людей", Шевыревъ такъ иронизируетъ надъ Достоевскимъ: „Новое имя въ литературѣ, говоритъ Шевыревъ, г. Ѳедоръ Достоевскій. Новый журнальный трубачъ съ [illegible] трубы передъ его появленіемъ. Разсыльщикъ вѣстей о петербургской литературѣ [illegible] по разнымъ московскимъ гостинымъ и трубилъ въ маленькія, но звонкія трубочки, что [illegible] первой величины на небѣ нашей литературы" [111]). Шевыревъ, какъ общую черту произведеній Достоевскаго, говоритъ слѣдующее: „Эта художественная сторона, которая должна составлять суть поэтическаго произведенія, [illegible], совсѣмъ подражаніе Гаскелу, филантропической тенденціей. „Эта тенденція, говоритъ онъ, забрела въ нашу словесность изъ чужи: мы становимся и филантропами изъ подражанія, какъ будто не нашлось и у насъ другого болѣе чистаго источника для того, чтобы сказать чувство любви къ ближнему въ изящное слово. Литература западная высо-

[illegible] христіанскую добродѣтель — любовь къ ближнему — [illegible] превратить въ филантропическую тенденцію [illegible] есть то же, что мода... Превратить любовь къ ближнему — добродѣтель вѣчную — въ филантропическую тенденцію [illegible] значитъ на самую добродѣтель наложить моду... Но что дѣлается несчастное искусство, будучи поставлено въ [illegible] любовной тенденціи. Оно [illegible] только выставкой филантропіи какого-нибудь [illegible], который самъ не только [illegible], но и [illegible] добродѣтелью... Истинное искусство [illegible] тенденцій, всегда возбуждало любовь къ ближнему. После всякаго [illegible] гармонически и растворена къ добру. Къ чему же создавать какое-то особенное [illegible] искусство, изящное само по себѣ, непремѣнно содержитъ въ себѣ сочувствіе и любовь къ человѣчеству? Заботьтесь объ одномъ только, чтобъ произведеніе ваше было прекрасно добро отъ него будетъ. Если же вы, отчаиваясь за его красоту, мѣтите имъ на одну филантропію, — тогда вы, вредя изящному, вредите и доброму, а самую любовь къ ближнему подвергаете вкусу моды“ [112]).

Въ то время, когда Бѣлинскій восхищался первыми произведеніями Тургенева, [illegible] сателя „Помѣщикъ“ говоритъ: „г. Тургеневъ отличается не столько талантомъ, сколько смѣлостію. Послѣ гоголевской галлереи помѣщиковъ, онъ взялся за помѣщика въ томъ же родѣ! Содержаніе пусто; [illegible] Пушкина, [illegible] искусства [illegible] Но у г. Тургенева если и нѣтъ таланта Пушкина, то есть въ замѣну русская смѣлость. Говоря объ этой повѣсти, еще недосугъ до эстетической

[illegible] Тутъ дѣло грязнѣе самой первоначальной, наобыкновенной, о рифмѣ, о рифмѣ, о русскомъ языкѣ... Языкъ русскій ему не дается въ стихахъ... Не говорятъ по-русски *козлиныхъ башмаковъ, а козловыхъ башмаковъ*" [110]). Въ отзывѣ своемъ о произведеніи повѣсти Гурвича „Три дороги" Шевыревъ замѣчаетъ, что въ этой повѣсти „есть лицо, какого мы еще до сихъ поръ въ повѣстяхъ не встрѣчали. Это малодушный полякъ, Василій Иванович Лучинскій, который [illegible] дѣвушки [illegible] скупого отца, потомъ обнажаетъ на него шпагу, далѣе обольщаетъ дѣвушку" [113]).

Такая противоположность въ воззрѣніяхъ Бѣлинскаго и Шевырева [illegible] что указанныхъ нами писателей вытекала изъ коренного ихъ различія во взглядахъ на поэзію и въ частности на натуральную школу. За нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины Бѣлинскій написалъ панегирическую статью о натуральной школѣ и указалъ на [illegible] Гончарова, Некрасова, Тургенева, Григоровича и Достоевскаго. Извѣстно, что натуральная школа, ведущая свое начало отъ Гоголя, выводила на свѣтъ Божій аномальныя явленія жизни различныхъ слоевъ русскаго общества. Она показала воочію, какъ много необузданнаго, грязнаго, дикаго, античеловѣческаго въ человѣческомъ обществѣ. Идеалистъ и гуманистъ по натурѣ, Бѣлинскій не могъ относиться равнодушно к горькому горю, мерзко разлитому въ жизни и воспроизведенному художественной кистью писателей. Отсюда понятенъ радостный привѣтъ Бѣлинскаго зарождающейся новой школѣ и восторги по поводу ея процвѣтанія. Онъ первый изъ писателей отмѣтилъ культурную миссію этой школы и первый указалъ на гуманитарное ея значеніе. Онъ писалъ: „Натуральная школа ост-

ятъ теперь на первомъ планѣ русской литературы. Съ одной стороны мы можемъ сказать, что публика, т.-е. большинство читателей, за нее: это фактъ, а не предположеніе. Теперь [illegible] литературная дѣятельность сосредоточена въ журналахъ, а въ журналахъ [illegible] болѣе обширный кругъ читателей и [illegible] публики, какъ не тѣ, въ которыхъ помѣщаются произведенія натуральной школы? Какіе романы и повѣсти читаются публикою съ особеннымъ интересомъ, какъ не тѣ, которые принадлежатъ натуральной школѣ. Какая критика пользуется большимъ вліяніемъ на мнѣніе публики, или, лучше сказать, какая критика болѣе сообразна съ мнѣніемъ и вкусомъ публики, какъ не та, которая стоитъ за натуральную школу противъ реторической?... Къ этому должно прибавить, что школа, исповѣдующая натуральной, не [illegible] представить ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго произведенія которое доказало бы дѣломъ, что можно писать хорошо, руководствуясь правилами, предположенными [illegible], которой держится натуральная школа. Всѣ попытки въ этомъ родѣ послужили къ торжеству натурализма и паденію реторизма“ [111]).

Шевыревъ, развивавшееся въ Московскомъ университетѣ „подъ преобладающимъ вліяніемъ романтической школы, виднымъ представителемъ которой въ области поэзіи онъ [illegible], — усвоивъ [illegible] Шеллинговой философіи, [illegible] религіозными вопросами, почерпавшаго свои эстетическія воззрѣнія изъ книги Тика и Какенродера „Объ искусствѣ и художникахъ“ — коробило изображеніе „грязной“ дѣйствительности въ поэзіи, которая, съ точки зрѣнія его учителей, отождествилась съ религіей. Поэтому Шевыревъ, отвергая значеніе на-

гуральной школы для прогресса и искусства, говорилъ: „Она [illegible] ново-европейской [illegible], который достигъ въ ней [illegible] сознанія; она [illegible] [illegible] древней Руси и вмѣстѣ съ нею [illegible] нравственнаго и умственнаго [illegible] [illegible] съ Петра, а между тѣмъ никто до сихъ поръ съ такимъ ожесточеніемъ не [illegible] [illegible] [illegible], какъ эта школа, а если и вывела что-нибудь подобное въ своемъ смыслѣ, то [illegible] [illegible], потерянное [illegible] [illegible]. Во всей этой грубой [illegible] хорошее признаетъ школа только развѣ въ самой себѣ, въ [illegible], [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. Три [illegible] [illegible] личностей выдается рѣзко надъ презрѣніемъ всѣхъ“ [115]).

VI.

Одновременно съ [illegible] литературной и отчасти [illegible] [illegible] [illegible] представители печатнаго слова — Булгаринъ и Сенковскій. Эти писатели [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible] Дмитріевичъ [illegible] издатель „Сѣверной Пчелы“ и публицистъ, а между тѣмъ [illegible] очень важно сколько для обрисовки личности самого писателя, что тоже можетъ быть не безынтереснымъ для характеристики литературныхъ нравовъ той эпохи, столько для опредѣленія того, [illegible] литературная атмосфера тогдашняго времени.

Ѳаддей Булгаринъ, сначала [illegible] ской катастрофы поклонникъ Рылѣева и панегиристъ его „Думъ“, расцвѣтался въ преданности монархіи; католикъ по [illegible] происхожденію, связанный [illegible] Наполеону, [illegible] русскому народу. „[illegible] сѣверной пчелы“ [illegible] сотрудника [illegible] Пчелу“ Булгарина, [illegible] „въ одномъ мизинцѣ болѣе ума и таланта, чѣмъ во многихъ [illegible] помиранія, замѣтки, снискалъ себѣ ея вниманіе и сдѣлался любимымъ ея писателемъ. Публика читала его романы и отзывалась о нихъ съ похвалой. Руководясь въ своихъ дѣйствіяхъ беззастѣнчивымъ эгоизмомъ, онъ курилъ ѳиміамъ самому себѣ, какъ выдающемуся писателю, и рекламировалъ въ такихъ выраженіяхъ журналъ, который издавалъ: „Безъ Пчелы ни одинъ порядочный человѣкъ не можетъ выпить чашки чаю“ [116]); о выходѣ [illegible] Булгарина. „Сѣверная Пчела“ увѣдомляла читающую публику: „Мы увѣрены, что публика

[illegible] относительно прочтенія полуо книгу любимаго писателя, и говоримъ это не потому только, что О. В. Булгаринъ, писатель съ умомъ наблюдательнымъ и [illegible], [illegible] [illegible], обладающій живымъ бойкимъ и чистымъ слогомъ, говорящимъ уму и чувству[117])". Прекрасный и [illegible], Булгаринъ рассыпался въ похвалахъ тѣмъ изъ писателей, которые были въ близкихъ отношеніяхъ къ редакціи журнала. Въ подобныхъ случаяхъ „Сѣверная Пчела", [illegible] [illegible], выкрикивала [illegible] [illegible] [illegible]. „Покупайте, гг. покупатели! Не скупитесь, папеньки! Да это раскупятъ, какъ конфеты, да и какъ не купить того, что полезно, хорошо и дешево"[118]). Измѣненіе личныхъ отношеній къ писателю видоизмѣняло и самые взгляды на него; отсюда у него и противорѣчія въ отзывахъ объ одномъ и томъ же писателѣ. На ряду съ оцѣнкою писателей у Булгарина выдвигалась реклама петербургскихъ магазиновъ, рекомендація доброкачественности и дешевизны ихъ товаровъ, а иногда нравственной оцѣнки самыхъ торговцевъ. Кругъ предметовъ, входившихъ въ [illegible] [illegible] Булгарина, былъ чрезвычайно обширенъ. Тутъ можно было найти и вина, и тонкую закуску, и сигары, и мебель, и сукно, и дамскія ботинки. Редакторъ былъ настолько любезенъ по отношенію къ своимъ читателямъ, что даже рекомендовалъ имъ гробового мастера. Какъ было не любить и не уважать такого [illegible]! Любилъ также Булгаринъ описывать балаганныя и вербныя гулянья, при чемъ упоминалось о пунцовыхъ личикахъ, прозрачныхъ вуаляхъ и стройненькихъ капотцахъ[119]).

Позорная критика Булгарина была направлена, главнымъ

образомъ, на Гоголя и Пушкина. Булгаринъ былъ по многимъ причинамъ [illegible] противоположной партіи. Пушкина, котораго онъ, по своему безстыдству, клеймилъ, даже и тогда, когда поэта не было въ живыхъ. Въ одномъ изъ своихъ пасквилей на Пушкина, Булгаринъ, [illegible] „Вакху и Плутосу, нежели музамъ“, въ такихъ выраженіяхъ высказываетъ свой общій взглядъ на характеръ его [illegible]. „Пушкинъ въ своихъ [illegible] не отличается [illegible] высокой мысли, ни одного [illegible], у [illegible] сердце холодное, а голова рада [illegible], [illegible] рожаи, который просилъ рифмами [illegible], [illegible] предъ чернью вольнодумствомъ, а тишкомъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ, и у котораго одно господствующее чувство — суетность[120a]).

Иначе смотрѣлъ на сущность поэзіи Пушкина Бѣлинскій. Изъ всѣхъ многочисленныхъ отзывовъ Бѣлинскаго о первородной поэзіи Пушкина приведемъ хотя одинъ, который тѣмъ рельефнѣе отмѣчаетъ отдѣльныя свойства его поэзіи: „Сила колоритъ поэзіи Пушкина, говоритъ Бѣлинскій, и, въ особенности, пластическая — внутренняя красота человѣка и особенно другая гуманность. Къ этому прибавимъ мы, что если всякое человѣческое чувство уже прекрасное по тому самому, что оно человѣческое (а не животное), то у Пушкина самое чувственное прекрасно, какъ чувство [illegible]. Мы дѣло разумѣемъ не поэтическую форму, которая у Пушкина [illegible] высокой степени прекрасна; нѣтъ, самое чувство, [illegible] изображенія каждаго его стихотворенія, всегда, чрезвычайно и артистически само по себѣ: это не просто чувство человѣка, но чувство человѣка-художника, человѣка-артиста. Есть [illegible] что-то особенно благородное, кроткое, [illegible], одухотворенное

о грязномъ и тѣломъ чувствѣ Пушкинъ. Въ этомъ отношеніи, какъ онъ говоритъ, можно превосходнымъ образомъ воспитать въ себѣ чувство, а такое чтеніе особенно полезно для молодыхъ людей обоего пола. Но изъ однихъ изъ русскихъ поэтовъ не можетъ быть столько, какъ Пушкинъ, воспитателемъ умственнымъ, образователемъ нашего чувства. Поэзія его чужда всего фантастическаго, сомнительнаго, ложнаго, призрачно-идеальнаго; она вся проникнута настоящею дѣйствительностью: она не кладетъ на лицо живыхъ бѣлилъ и румянъ, но показываетъ его въ его естественной, истинной красотѣ; въ поэзіи Пушкина нѣтъ небо, но нѣтъ всегда проникнута земля. Поэтому, поэзія Пушкина не опасна юношеству, какъ поэтическая ложь, разгоряченное воображеніе, — ложь, которая сбиваетъ человѣка со трезваго отношенія съ дѣйствительностію, при первомъ столкновеніи съ нею, и заставляетъ безрезультатно и безплодно истощать свои силы въ гибельную съ ней борьбу. И при всемъ этомъ, кромѣ высокаго художественнаго достоинства формы, какое христіанское изящество человѣческаго чувства!“ [121])

Въ частности Булгаринъ придирался порицаніямъ къ произведеніямъ Пушкина, разбора которыхъ онъ касался. Такъ когда появилась VII глава „Евгенія Онѣгина“, Булгаринъ, руководимый чувствомъ чести, въ желаніи уронить ее во мнѣніи читающей публики, отзывается о ней, какъ о самомъ ничтожномъ произведеніи. Онъ говоритъ: „Можно ли требовать вниманія публики къ такимъ произведеніямъ, какова, напримѣръ, глава VII „Евгенія Онѣгина? Мы сперва подумали, что это мистификація, просто шутка или пародія, и не прежде увѣрились, что эта глава VII есть произведеніе сочинителя „Руслана и Людмилы“, пока книгопродавцы насъ не убѣдили

въ этомъ. Эта глава VII — два маленькіе печатные листика, — [illegible] такими стихами и балагурствомъ, что по сравненіи съ ними даже Евгеній Вельскій кажется чѣмъ-то похожимъ на дѣло. Ни одной мысли въ этой водянистой VII главѣ, ни одного чувствованія, ни одной здравой, [illegible] воззрѣнія! Совершенное паденіе, chute complète [illegible]

„Итакъ надежды наши исчезли! Мы думали, что авторъ „Руслана и Людмилы" устремился на Кавказъ, чтобъ [illegible] высокими чувствами поэзіи, обогатить [illegible] впечатлѣніями, и въ [illegible] пѣсняхъ передать потомству великіе подвиги русскихъ современныхъ героевъ. Мы думали, что великія событія на Востокѣ, удивившія міръ и [illegible] Россіи уваженіе всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, [illegible] [illegible] нашихъ поэтовъ — и мы ошиблись! Лиры [illegible] остались безмолвными, и въ пустыхъ залахъ [illegible] опять Онѣгинъ, блѣдный, слабый... Сердцу больно, когда взглянешь на эту безцвѣтную картину!" [123])

Бѣлинскій, наоборотъ, признавая за [illegible] большой художественный интересъ, объясняетъ его эстетическое и общественное значеніе [124]).

Такъ же третировалъ Булгаринъ и Гоголя. Дѣлая отзывъ о его повѣстяхъ, онъ пишетъ: „Гоголь живо рисуетъ карикатуры, забавныя въ разсказахъ, а когда его повѣсти не имѣютъ ни основной мысли, ни занимательной завязки, но читаются съ удовольствіемъ. Мы [illegible] не [illegible] [illegible] Гоголя и отдаемъ ему полную справедливость, по крайнему нашему разумѣнію; не сравниваемъ его съ Гомеромъ, [illegible] [illegible] журналы, [illegible] [illegible], но думаемъ, что для Гоголя не будетъ униженіемъ, когда мы его поставимъ на одну доску съ Поль де-Кокомъ и Иго-Лебреномъ,

не забывали прежнихъ въ поэзіи и философіи" [122]). „Въ повѣстяхъ Гоголя, какъ Бѣлинскій, совершенная истина соединяется съ красотою вымысла. Онъ не леститъ жизни, но и не клевещетъ на нее: онъ радъ выставить наружу все, что есть въ ней прекраснаго, человѣческаго, и въ то же время не скрываетъ ничего и со безобразія. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ вѣренъ до послѣдней степени" [123]).

Такой же характеръ носитъ на себѣ пьеса Булгарина на „Ревизора". „Бѣлка „Ревизора" не новая и не устарѣлая. Въ нѣмецкой, французской, англійской и русской литературахъ существуютъ повѣсти, комедіи и романы, основанные на *ничтожномъ*. Это самая прочная комедія жизни. У дѣйствующихъ лицъ автора отнято всѣ человѣческія принадлежности кромѣ двухъ: спать, употребляемаго ими на дѣйствіе. Городничій, судья, почтмейстеръ, смотритель училищъ, полечитель богоугодныхъ заведеній представлены заклятыми глупцами и дурами. Подлость и отставные чиновники ниже человѣческой глупости. Жена и дочь городничаго — кокетки, какія и въ большихъ городахъ живутъ не во всѣхъ ихъ частяхъ и не въ всѣхъ домахъ. Купцы суще разбойники, полицейскіе чиновники вводятъ ужасъ. Слуги мошенники и дочери въ комедіи напоминаютъ сцены на Сандвичевыхъ островахъ во время жатвы Куа. „Ревизоръ" же комедія: на заграничныхъ злоупотребленіяхъ нельзя построить комедіи. Авторъ взялъ характеры, грязь и сплетни изъ времени до-недоросленскихъ. Его комедія — рядъ смѣшныхъ карикатуръ, не больше. Лица отнюдь не россіянинъ. Въ русскомъ просторѣчіи авторъ слабъ и пишетъ въ плоскости. Какъ и другія его произведенія, комедія проникнута цинизмомъ. Пиго-Лебрена и Поль-де-Кока — красныя дѣвицы въ сравненіи съ

[illegible] „Ревизоръ“. Даже порядочный [illegible] супъ *воняетъ;* онъ скажетъ: дурно пах[illegible] порядочный писатель не напишетъ: *ко*[illegible] Особенно часто встрѣчается въ комедіи [illegible] пересолилъ свою свинину“). Въ заключеніе, Булгаринъ [illegible] Гоголю такой совѣтъ: „автору комедіи не худо бы зарубить на стѣнку: 1) Все пензящное не долговѣчно; 2) [illegible] потомству доходятъ однѣ идеи и чувствованія; 3) похвала друзей не есть справедливая оцѣнка; 4) аплодисменты и вызовы не слава; 5) rien n'est beau, que le vrai“ [126])

Мы уже раньше [illegible] о „Ревизорѣ“.

Булгарину претитъ даже то глубокое горе, которое объяло всѣхъ образованныхъ людей, [illegible] Гоголя. „Сынъ Отечества“ въ пятомъ нумерѣ *Москвитянина* о кончинѣ Гоголя, пишетъ Булгаринъ, [illegible] братскимъ бороздою! Не о смерти Державина, [illegible] Карамзина, Дмитріева, Грибоѣдова и [illegible] русской словесности русскіе журналы не печатались съ черной каймой! Всѣ [illegible] щены М. П. Погодинымъ, какъ будто дѣло шло о великомъ мужѣ, благодѣтелѣ человѣчества, или о страшномъ Атилѣ, который наполнялъ міръ славою своего имени! Описаны съ величайшею точностію всѣ причуды, всѣ слабости больного Гоголя! М. П. Погодинъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами: „Будемъ удивляться великому художнику, и молиться, кто можетъ, о слабомъ человѣкѣ“. Такъ не говорили и о Тассо! Если почтенный М. П. Погодинъ удивляется Гоголю, то чему же онъ не удивляется, полагая, что онъ такъ же знакомъ съ иностранною словесностію, какъ съ русской исторіей“ [127]).

Выражать прямыя мнѣнія о достоинствѣ писателей и распространять ихъ среди публики, какъ то дѣлалъ Бѣлинскій, было насущною потребностью: публика, и очень многочисленная („Сѣверная Пчела" расходилась въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ), не могла относиться критически и усвоивала себѣ сужденія о писателяхъ, оцѣниваемыхъ не по достоинству, а по пристрастнымъ, полемическимъ побужденіямъ. Извѣстны всѣмъ жгучіе памфлеты Бѣлинскаго по адресу Булгарина за его необъятное вліяніе въ области критики.

Умалчивая тамъ писателей, составлявшихъ гордость русской изящной словесности, „Сѣверная Пчела" Булгарина восхваляла бездарныхъ лицъ, напримѣръ Гнѣдича, Ершова, Ѣдубогина и прямѣро ихъ возвеличивала. Эти писатели, составлявшіе теперь позабытые, занимали, по мнѣнію Булгарина, самое видное мѣсто въ литературѣ и ставились чуть не въ уровень съ Пушкинымъ.

Подобное же направленіе и съ тѣмъ же пріемомъ дѣйствовалъ другой достойный сподвижникъ Булгарина и его единомышленникъ, Осипъ Пиловичъ. Сей самый бѣстящій профессоръ, плохой лекторъ, логикъ, рѣдкій и въ Европѣ оріенталистъ, человѣкъ начитанный чуть не по всѣмъ отраслямъ знанія, и въ общемъ обнаруживавшій глубокія свѣдѣнія, особенно со стороны и поверхностный умъ, съ способностью писать популярно даже о серьезныхъ предметахъ, — онъ могъ бы быть хорошимъ критикомъ, но совмѣщалъ въ себѣ столько отрицательныхъ условій вообще для этого рода дѣятельности. Безъ же, въ виду принять во вниманіе разнообразіе интересовъ Сенковскаго, его изумительную эрудицію и дѣятельность, то становится гораздо грустно, что онъ погубилъ напрасно столько много дарованныхъ ему талантовъ и обратилъ свою двадцати-

лѣтнюю дѣятельность ко вреду своихъ читателей. Изъ многочисленнѣйшихъ сочиненій Сенковскаго мы имѣем въ виду только критику и, притомъ, только тѣ ея отдѣлы, которыя касаются оцѣнокъ и оцѣнки писателей по западной литературѣ.

Самолюбивый и честолюбивый Сенковскій, оставивъ профессуру, избралъ новое поприще для своей общественной деятельности, широкое и болѣе сродное его душѣ — поле журналистики. „Библіотека для чтенія" редакторомъ которой онъ былъ въ теченіе многихъ лѣтъ, удовлетворяя честолюбію, доставила ему большую извѣстность; съ другой стороны, справедливости требуетъ сказать, что онъ, популяризируя научныя свѣдѣнія, привлекъ къ изданному имъ журналу небывалое число подписчиковъ. Журналъ распространился по всему лицу всей Россіи, по всѣмъ ея огромнымъ провинціямъ. В. каждомъ не только губернскомъ, но даже уѣздномъ городѣ, нашлось нѣсколько подписчиковъ. Помѣщики, чиновники, рѣдко бравшіе доселѣ книгу въ руки, принялись за новое для нихъ разнообразное чтеніе въ огромныхъ книгахъ. На такомъ широкомъ поприщѣ журналиста онъ сталъ могущественнѣе, призвавъ всѣ лучшія стороны фельетона. При удивительной способности схватывать смѣшную сторону каждаго предмета и представлять ее выпуклою читателямъ, онъ сталъ жрецомъ поклонниковъ. При этомъ онъ нисколько не согласовался съ требованіями эстетическаго вкуса и потоками разливалъ мутные ручьи, услаждавшіе низменныя чувства своихъ читателей. Онъ прикрашалъ, напримѣръ, свою рѣчь такого рода выраженіями: „тихое, роскошное ложное тѣнедѣвушекъ", „цвѣтъ нѣжныхъ любовниковъ, только что оставленная ими въ живописномъ безпорядкѣ", „бѣлая жирная ножка разлеглась, на которой влюбленныя насѣкомыя утопаютъ въ небесномъ

[illegible]ажествѣ“ и т. п. Немудрено поэтому, что Сенковскій, [illegible] въ усладу дурнымъ страстямъ человѣческой натуры, [illegible] Гоголь извѣстность Сенковскаго у читающей публики: „Сенковскій, пишетъ онъ, очень похожъ на стараго пьяницу, котораго долго не рѣшался пустить въ кабакъ самъ цѣловальникъ, но который, однакожъ, ворвался и бьетъ, очертя голову, [illegible] прекрасный. Сословіе, стоящее выше брамбеусины, негодуетъ на безстыдство и наглость кабачнаго гуляки. Сословіе, любящее приличіе, гнушается, но читаетъ. Начальники отдѣленій и [illegible] бога со стѣны. Офицеры читаютъ и говорятъ: „С....ъ с..ъ, какъ хорошо пишетъ!“ Помѣщики покупаютъ, подписываются и вѣрно читать будутъ. Одни мы, грѣшные, откладываемъ на запасъ для домашняго обихода...“ [128])

Чуждый истиннаго критическаго вкуса и чутья, къ тому же объявившій, что для него не существуетъ никакихъ правилъ, Сенковскій, понятно, не могъ установить и опредѣлить историческаго направленія русской словесности и понять свое время, богатое талантами. Не признавая послѣ Кукольника, Бенедиктова и Тимоѳеева ни у кого права на талантъ, онъ, [illegible] проложившихъ новой эпохи въ русской литературѣ имена, какъ Лермонтовъ, Пушкинъ, Кольцовъ. Касаясь же иногда таковыхъ, онъ унижалъ ихъ подъ видомъ шутки. Сенковскій, по справедливому замѣчанію Полевого, „ввелъ въ моду грубую насмѣшку въ критику и обращалъ ее безъ пощады на [illegible], разрушая нравы скарроновскими повѣстями и ругательными статьями“.

Лишенный эстетическаго вкуса, существенно необходимаго для справедливой оцѣнки, онъ не могъ рассматривать художественныхъ произведеній. Зотова и Лермонтова ставилъ онъ на одну доску, Тимоѳея выше Пушкина, Кукольника приравнивалъ Гёте; имя же Гоголя всегда подвергалось поруганію. Сенковскій, аристократъ по натурѣ, отрицалъ всякую литературу за глубокое обнаруженіе [illegible] ненавистникъ французской литературы за ея демократическую тенденцію и называлъ Жоржъ-Занда Георгъ Зандомъ, называя виновникомъ Гоголемъ „старый, утрешній носъ какого своего балахона и жестоко нахнущій дегтемъ“. Въ отзывѣ объ „Арабескахъ“, онъ говоритъ, что Гоголь „въ ряду своего дарованія могъ бы сѣдлать и весьма хорошій сапогъ“, что „карикатура его преимущественно, когда онъ, какъ бы безъ претензій и снизходя веселости ради, [illegible] изъ страницъ въ шутливомъ родѣ непринужденно сѣдлаетъ и разсѣкаетъ самаго угрюмаго человѣка. Очень забавна исторія нѣмецкаго носа, спасеннаго отъ немедленной гибели [illegible] Пироговымъ“. „Кончив [illegible] сумасшедшаго [illegible] тѣмъ же достоинствомъ и безъ [illegible] лучше, если бы [illegible] какой-нибудь здѣсь [illegible]“. Такого отзыва Сенковскаго

Бѣлинскій же, замѣтивъ, по поводу „Арабесокъ“, что задача реальной поэзіи — „извлекать“ поэзію жизни изъ прозы жизни и потрясать душу вѣрнымъ изображеніемъ [illegible], говоритъ: „и какъ сильна и глубока поэзія Гоголя въ своей наружной простотѣ и мелкости!... Арабески и Миргородъ [illegible] на себѣ всѣ [illegible] Въ [illegible] этого упоенія, этого лирическаго [illegible], но больше глубины и вѣрности въ изображеніи жизни. Сверхъ того, онъ здѣсь расширилъ свою сцену [illegible] и, не оставляя своей жел-

мой, своей прекрасной, своей бедной Малороссіи, пошелъ искать поэзіи въ нравахъ средняго сословія въ Россіи. И, Боже мой, какую грубую и могучую поэзію нашелъ онъ тутъ!“ [130])

Отзывъ Сенковскаго, обнаруживая отсутствіе художественнаго вкуса въ критикѣ, изобличаетъ и его манеру писать и самого автора. Надменный и блестящій баронъ Брамбеусъ, съ высоты своего мѣста на пьедесталѣ и читателей, забавлялся, какъ мы уже видѣли, шутками, балагурствомъ, проявляя вообще его стремленіе къ остроумію, зачастую двусмысленному. Въ русской литературѣ для своего глумленія онъ нашелъ очень обильный матеріалъ. Иногда достаточно было одного слова сочиненія для полнаго нигилизма. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ, проявляя свое блестящее остроуміе, посмѣялся надъ Гоголя по поводу его поэмы „Мертвыя души“. „Я держусь, — писалъ онъ, — той теоріи, что женщина — разумѣется, молодая: старыхъ женщинъ нѣтъ въ природѣ, какъ нѣтъ старыхъ цвѣтовъ, ни старыхъ радугъ — что женщина не что иное, какъ воображеніе въ вѣрномъ видѣ. Вмѣсто сердца въ ней бьются *Мертвыя Души* — я хотѣлъ сказать: въ ней бьется поэма... Простите, что я такъ странно обмолвился; я печаленъ — Гомеръ, знаете, боленъ! О, самолюбіе! самолюбіе книжное. Сколько ты убиваешь умовъ и талантовъ!.. Самолюбіе! Адское самолюбіе! Посмотри, что сдѣлало оно съ Гомера. Гомеръ боленъ! Гомеръ заговорилъ на тонъ, что онъ не съ шутки Гомеръ. Гомеръ поторопился невѣдомо!... Гипнунъ вамъ на языкъ! — въ томъ числѣ и мнѣ — вамъ, которые, когда явилась въ свѣтъ незабвенная *поэма*, предсказывали..., что это тѣмъ кончится — что тутъ уже есть начало болѣзни. Гомеръ отрекается отъ безсмертія, отъ уни-

вленія народовъ, потому что народы не понимаютъ его... отъ авторской суеты, отъ всѣхъ поэмъ, я [illegible] занять заранѣе мѣсто между богами... Тщеславіе [illegible]цизма окружило Гомера и его болѣзненное самолюбіе. После его смерти..., когда ради человѣческой [illegible] — явятся его неизданныя и еще не написанныя творенія... Послѣ смерти!... Къ тому времени [illegible] на слогъ, языкъ и манеру послѣдняго въ Гомерѣ... [illegible] что творений его, пожалуй, никто и читать не захочетъ...[illegible].

Итакъ, даровитые писатели были правдивы, какъ дорогіе гости на бѣдной пиръ изящной словесности; они были защищаемы отъ нападокъ несправедливой критики; значеніе ихъ неуклонно проходилось въ сознаніе общества; ложныя литературныя кумиры низвергнуты; задачи критики по отношенію къ поэтическимъ произведеніямъ установлены. Оставалось создать исторію литературы, и Бѣлинскій ее создалъ.

VII.

Что представляла исторія литературы до Бѣлинскаго, и что онъ для нея сдѣлалъ?

Сначала курсы словесности исключительно вращались въ области стилистики; поэтическія произведенія разсматривались постольку, поскольку они были нужны для рѣшенія вопросовъ, связанныхъ теоретическимъ изученіемъ строя рѣчи и опредѣленіемъ разныхъ видовъ и формъ словесныхъ произведеній. Ни писателя, въ полномъ объемѣ его произведеній, ни цѣлаго произведенія не существовало, а отъ каждаго отдѣльнаго выхватывались тѣ отдѣльныя строки, на которыхъ было бы можно наглядно показать отличіе прозаическаго [illegible]

отъ поэтическаго, рѣчь простой отъ фигурной. Эти отрывки [illegible] для [illegible] произведеній, то [illegible] примѣры, [illegible] при Ефиміевскія [illegible] „Новый [illegible] методъ изученія, [illegible] въ [illegible]. Безъименныя труды [illegible] Поповъ, отъ [illegible] въ творенія Пепиниискаго и Григорія Кошанскаго.

Затѣмъ въ изученіи словесныхъ произведеній мы видимъ [illegible] литературу. Произведенія [illegible] словесности стали приводиться, а также и изучаться въ отрывкахъ, иногда [illegible] высокаго въ отличіе отъ прекраснаго, прекраснаго отъ наивнаго, прекраснаго отъ полезнаго и т. п. Для рѣшенія [illegible] вопросовъ пришлось обратиться къ философіи и, главнымъ образомъ, психологіи и эстетикѣ. Полились обильныя [illegible] о словесномъ творчествѣ, о [illegible], о природѣ и сущности творчества. Прежній методъ изученія при этомъ не пропалъ, но только затемнился и значительно стушевался. И здѣсь также писатель и родная почва, его возрастившая, отсутствовали.

Потомъ рамки эстетическаго изученія раздвинулись: мы видимъ [illegible] произведеній [illegible] полнаго [illegible], при чемъ затрогиваются и народность и другіе жизненные элементы, дававшіе физіономію писателямъ, но въ сущности оцѣнки все-таки лежали основы эстетики, преимущественно Шлегеля. Тутъ также нѣтъ литературы, тутъ только теорія словесности.

Наконецъ, „Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ“ Новикова (1772 г.), „Словарь [illegible] Татищева Елагина (1803 г.), его же „Словарь историческій

оставалась въ Россіи писательъ [illegible] перевод" (1818 г.), „Обзоръ источниковъ для [illegible] исторіи россійской словесности" Кошева (1819 г.), „Опытъ россійской библіографіи, или полный [illegible] переводовъ" Сопикова (1813—1821 гг.), все это, качественно отличаясь другъ отъ друга, вмѣстѣ съ образцами и изданіями памятниковъ старины, надо тѣмъ съ особою [illegible] трудились Востоковъ, Калайдовичъ, Мусинъ-Пушкинъ, гр. Румянцевъ, Строевъ, поступавшіе тремъ основой для его труда, имѣвшаго характеръ связнаго изложенія, и изданнаго въ 1824 г. подъ заглавіемъ: „Опытъ исторіи русской литературы". Этотъ „Опытъ" долгое время былъ въ ходу въ качествѣ руководства при преподаваніи исторіи словесности. Книга Греча, раздѣленная на двѣ части, разбитыя, въ свою очередь, на 6-ти отдѣловъ, уступая многимъ изъ отдѣльныхъ фактовъ преимущественнымъ другимъ, имѣетъ вообще свойства очень другія и отличныя. Имена авторовъ часто только послужили связью лицъ, тѣмъ или иным причастныхъ произведеніямъ[138]. Кромѣ того, въ главу, написанную безъ строгой перспективы, гораздо много вошло, относящагося скорѣе къ исторіи дипломатіи[139], то къ церковной исторіи[140]. Свѣдѣнія о большинствѣ писателяхъ, что придавало книгѣ наибольшій интересъ, по крайней мѣрѣ, въ этой ея части, имѣется въ ней, въ большей части, заимствованныя: Ломоносовѣ, Сумароковѣ, Державинѣ, освѣщенныя Мерзляковымъ[141]; первый изъ нихъ, кромѣ того, Батюшковымъ[142]; Озеровѣ — Бѣлинскимъ[143], Муравьевѣ — Батюшковымъ[144], Жуковскомъ — Плетневымъ[145]. Карамзинъ и нѣкоторые другіе изъ менѣе поздѣйшихъ писателей отмѣчены самимъ авторомъ. Оцѣнки эти даны и общею Пушкину, напримѣръ, отведено ровно 10 строкъ[146]).

Въ 1832 г. вышла книжка Тимаева: „Начертаніе курса изящной словесности". Она представляетъ собою, какъ заявляетъ авторъ въ предисловіи, „подробную программу предметовъ въ окончательномъ курсѣ изящной словесности", объясняемыхъ имъ въ стѣнахъ имѣющихъ Общества благородныхъ дѣвицъ и въ училищѣ Ордена св. Екатерины. Въ 1-й части этой книжки даётся краткія свѣдѣнія изъ психологіи и эстетики, во 2-ой — изъ риторики и піитики, въ 3-ей — исторической — изъ иностранной литературы разныхъ временъ и изъ исторіи русской литературы, которая дѣлится, какъ у Греча, на три періода. Свѣдѣнія о поэтахъ и писателяхъ, разбѣленныя по родамъ ихъ литературныхъ произведеній, поражаютъ своею лаконичностью. Вотъ нѣсколько характерныхъ примѣровъ: „Державинъ — разнообразенъ, безподобенъ въ картинахъ, философъ-поэтъ, но не всегда исправенъ въ слогѣ; Хемницеръ — баснописецъ, отличающійся простотушіемъ; Фонвизинъ — остроумный сатирикъ; Богдановичъ прелестенъ въ своей Душенькѣ и удивителенъ въ легкости стихотворенія" [111]).

Въ 1833 г. появилась книга Плаксина: „Руководство къ познанію исторіи литературы". Посвятивъ первыя пять главъ обозрѣнію иностранной литературы, а слѣдующія пять — „опредѣленію русскаго характера и образованію первоначальныхъ идей о языкѣ въ Россіи", онъ переходитъ къ обзору исторіи литературы на періоды, которыхъ устанавливаетъ четыре: 1) языческая литература (первый періодъ до возворенія христіанской вѣры); 2) преобладаніе христіанской литературы предъ языческой (второй періодъ до половины XVII вѣка); 3) учено-богословское направленіе (третій періодъ до Ломоносова); классическая словесность (четвертый періодъ до Жуковскаго). Къ этимъ четырёмъ періодамъ авторомъ прибавленъ

Взглядъ на новую литературу, которая и [illegible] вся, начиная съ Жуковскаго, на 13 страницахъ[illegible]).

Въ своихъ обозрѣніяхъ литературныхъ [illegible], пріуроченныхъ къ обозначеннымъ выше періодамъ, [illegible] какъ бы въ сторонѣ вопросъ о количествѣ и полнотѣ ихъ освѣщенія, даетъ понятіе, главнымъ образомъ, [illegible] общее состояніе и направленіе литературы.

Взгляды на писателей, называемыхъ Пушкинскими, — поражаютъ то краткостію, то односторонностію. Такъ Крылову отведены слѣдующія строки: „П. А. Крыловъ довелъ нашу басню до совершенства; сія мысль не требуетъ никакихъ доказательствъ. Перомъ сего писателя управляетъ сама истина, одушевленная граціями[illegible]. О Батюшковѣ замѣчено: „Батюшковъ нѣжнѣе, чувствительнѣе Жуковскаго, но онъ не такъ свѣтелъ, величественъ, увлекателенъ; ибо онъ еще не совсѣмъ отрекся отъ французской школы[illegible]). Жуковскій, которому болѣе всѣхъ изъ нашихъ писателей удѣлено вниманія, такъ характеризованъ: „В. А. Жуковскій, рожденный съ душою русскою, воспитанною тихою, но сильною грустію, способнымъ принимать впечатлѣнія глубокія, возвышенныя, съ умомъ возвышеннымъ и глубокомысленнымъ, съ сердцемъ благимъ, онъ среди міра былъ одинъ, какъ въ пустынѣ. Онъ такой душѣ найти постояннаго, стройнаго гармоническаго согласія и полнаго уразумѣнія ея высокихъ вдохновеній, — тамъ, въ безпредѣльности! Вотъ источникъ его темныхъ и мрачныхъ думъ, которыя, при всей угрюмости своей, прелестны, какъ наша безночная весна! Онъ, борясь съ инымъ духомъ, поработившимъ нашу словесность, и съ одностороннимъ своего генія, подобно Олену, первому пѣвцу сѣвера, напрасно вопрошалъ будущее: оно безмолвствовало, и онъ [illegible]

[illegible] Германіи, або [illegible] еще будь опять. Онъ углубился въ германскую и англійскую литературу и пересадилъ на нашу простую почву прелестные цвѣты той и другой; отличная наша отношенія къ духу Германіи и Англіи и нося въ самомъ себѣ духъ Руси, онъ произвелъ нѣсколько прелестныхъ, очаровательныхъ опытовъ русской словесности, въ которыхъ проглядываетъ что-то родное, говорящее сердцу[145])".

Въ 1[illegible]-м году вышла обширная книга Глаголева: „Умозрѣнія и опытъ основанія словесности", представленная второмъ по совѣтѣ Академіей времени, которой она и удостоена при слѣдующемъ отзывѣ Академіи Наукъ: „Основательная сущность, обширная мѣтность, оригинальное разсужденіе и сильнѣйшее и отборное изложеніе выгодно отличаютъ сіе твореніе среди себѣ подобныхъ и приносятъ автору онаго честь быть первымъ образцемъ и основателемъ [illegible] словесности". „Россійской словесности" отведена въ книгѣ 1-я часть, которой авторъ далъ заглавіе: „Планъ исторіи русской литературы". Обозрѣвая здѣсь памятники нашей словесности до XVI в., онъ отдѣляетъ памятникамъ и позднѣйшаго времени въ связи съ краткой оцѣнкой писателей, но не въ исторической послѣдовательности и поступательномъ развитіи русской мысли и литературы, а по всѣмъ родамъ литературныхъ произведеній прозы и поэзіи.

Въ „Исторіи литературы" Георгіевскаго, вышедшей въ 1836 г., сначала говорится о словесности другихъ народовъ, а потомъ русской, которую онъ дѣлитъ на три періода: первый до XV вѣка, второй до начала XVIII, а третій до нашего времени.

Въ 1839 году появилась „Исторія древней русской литературы" Максимовича. Книга эта, подобно книгѣ Греча, вы-

гаетъ предметъ систематично. Хотя въ ней не нельзя найти исторіи древней литературы въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ, тѣмъ не менѣе, одно уже обращеніе къ памятникамъ старины, къ той области, которая представляла [illegible] наслѣдователя древнюю пору, [illegible] Кромѣ того, въ этомъ сочиненіи авторъ, установивъ понятіе о словесности и ея исторіи и раздѣливъ ее на періоды[147]), подробно говоритъ объ источникахъ и пособіяхъ по исторіи русской литературы[148]), трактуетъ о разныхъ русскихъ [illegible] и [illegible]щенія Руси въ древнемъ періодѣ[149]), даетъ свѣдѣнія о русскихъ писателяхъ XI—XVII вв., пополняя ихъ тѣми, которыя помѣщены у митрополита Евгенія и которые [illegible] Греч. Большая половина труда — [illegible] Авторъ семь главъ (IV—VIII) посвящаетъ народному языку различію его главныхъ видовъ, отношенію его къ западно-славянскимъ. Книга заканчивается обзором [illegible] славянской и древнерусской въ особенности.

Всѣ эти указанныя нами руководства къ изученію словесности и исторіи литературы [illegible] ностію тогдашняго времени, и составители шли навстрѣчу ей; но ихъ руководства, не безполезныя для своего времени, однакожъ далеко не давали собою [illegible] номъ ея значеніи — какъ непосредственнаго отраженія внутренней жизни народа: достаточно указать, напримѣръ, на то, что отношенія писателей къ эпохѣ [illegible] ихъ другъ къ другу, въ ихъ вліяніи, не только не уяснены, но почти и не намѣчены. Если игнорировать такое существенное требованіе отъ каждаго руководства по исторіи литературы и посмотрѣть въ нихъ на оцѣнку писателей, безъ отношенія ихъ ко времени и другъ къ другу, то даже и въ

этомъ случаѣ они во многомъ поразятъ насъ лаконичностью, парадоксальностью и даже ложнымъ освѣщеніемъ.

На долю Бѣлинскаго выпала честь и неоцѣнимая заслуга быть составителемъ исторіи всей русской литературы. Въ какой-нибудь [illegible], отмѣчая народную поэзію, какъ первый источникъ русскаго духа и его живую словесность со Игоря, онъ не упускаетъ изъ историческаго кругозора, Бѣлинскій составилъ себѣ разработку русской словесности XVIII—XIX вв. Изъ многихъ статей о Пушкинѣ и другихъ частныхъ составилъ цѣлые очерки отъ Кантемира до Гоголя включительно, и „читатель увидалъ предъ собою стройный рядъ литературныхъ фигуръ, расположенныхъ по отличаемымъ группамъ, оцѣненныхъ и разъясненныхъ и съ исторической и современной точки зрѣнія“.

Выдвигая принципъ преемственности, какъ основной, для исторіи нашей литературы, Бѣлинскій тамъ устанавливаетъ отношеніе и свою эпоху населяетъ при отдѣлѣ поэзіи Пушкина: „Муза Пушкина была исторгнута и воспитана творческою предъустановленною судьбою; скажемъ болѣе: она прежде чѣмъ въ себѣ имѣла свое законное достояніе и возвратила его въ полномъ, преображенномъ видѣ. Можно сказать, что безъ Державина, Жуковскаго и Батюшкова не было бы и Пушкина“. „Пѣснь о Пушкинѣ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, есть пѣснь о цѣлой русской литературѣ: это какъ прежде лучшихъ обстоятельствъ Пушкина, такъ Пушкинъ объясняетъ послѣдующихъ за нимъ писателей“. Изъ множества примѣровъ, могущихъ фактически подтвердить эту мысль, возьмемъ тотъ одинъ — именно о розрывѣ Батюшкова съ Пушкинымъ. Посмотрѣть бы, что было сознаніе и творческое сознаніе Пушкина составляетъ неувядаемую его славу, Бѣлинскій пу-

семъ сравненій показываетъ, что всѣ эти [illegible] находились у Батюшкова. Даже образецъ [illegible] ственной формы нашелъ Пушкинъ [illegible] скихъ стихотвореніяхъ Батюшкова.

Только такой методъ, примѣненный [illegible], даетъ возможность нарисовать постепенную картину развитія русской словесности и опредѣлить каждому изъ писателей его мѣсто въ ряду другихъ, вмѣстѣ съ справедливой оцѣнкой [illegible] съ нашими предшественниками. Поскольку [illegible] — главѣ, онъ именами ихъ обозначитъ періоды развитія литературы, давая подробныя монографіи. Такъ, напримѣръ, смотря на Крылова и Жуковскаго, какъ на блистательныхъ представителей Карамзинскаго періода, онъ объяснитъ, почему они сами не могли создать направленія.

Разсматривая представителей различныхъ школъ съ болѣе ранними по времени писателями, указывая, какое [illegible] значеніе внесенъ въ сокровищницу русской литературы, Батюшкинскій такимъ образомъ объяснитъ относительное значеніе писателей.

Оцѣнивая извѣстныя произведенія, онъ [illegible] съ условіями самой жизни ихъ порождавшей, и [illegible], то такъ рѣзко бросается въ глаза въ [illegible], вносится такими произведеніями, какъ поэмы [illegible] условій семейной жизни и общественныхъ [illegible]. Это [illegible], напримѣръ, въ его оцѣнкѣ „Евгенія Онѣгина", „Бахчисарайскаго фонтана" и другихъ. Батюшкинскій [illegible] о воспитаніи, объ отношеніяхъ [illegible] другъ къ другу, о любви, бракѣ, [illegible] провинціальной жизни и столичной, объ условіяхъ, создавшихъ такую жизнь и т. п.

Если принять во вниманіе попытки ложноклассической и

романическое чтенія, полныя фальшивыя и односторонныя предложенія или — образцы литературныхъ произведеній, то нельзя не прийти къ тому, что Бѣлинскій создалъ у насъ литературу, положилъ основаніе правильной научной обработкѣ самому созданію и литературѣ за періодъ отъ Ломоносова до своего времени; что эта оцѣнка не поколеблена послѣдующими изслѣдованіями литературы: что съ жизнью, къ которымъ онъ привелъ, остается до сихъ поръ до настоящаго времени. Тѣмъ болѣе сохраняетъ въ жизнь бесѣдующей плодотворной силы всѣ современные наиболѣе учебники.

Кромѣ же Бѣлинскаго, привлекшаго силу и убѣдительность тому, что онъ не говорилъ, его сколько критика-предшественника, въ литературѣ второй литературы полосы создалъ такія живыя, съ тѣломъ и кровью, лица, какъ Пушкинъ, Гоголь и Лермонтовъ, которыя, какъ жемчужины, составляютъ гордость русской изящной словесности.

VIII.

Отмѣтивъ выдающіяся заслуги Бѣлинскаго, какъ критика, и литературы, мы можемъ отнести и темныя стороны его критической дѣятельности, указать на тѣ погрѣшности, которыя онъ, какъ человѣкъ, и въ силу своего міросозерцанія, были присущи. Погрѣшности эти, правда, больше сказались въ оцѣнкѣ произведеній русской народной поэзіи и книжной словесности древняго періода, тѣмъ не менѣе таковыя можно найти и въ его отзывахъ о произведеніяхъ новаго періода русской литературы.

Хотя къ чести Бѣлинскаго и должно отнести, что онъ первый обратилъ вниманіе на произведенія народной словесности, за

[illegible] сохранившаяся въ сборникахъ Кирши Данилова и [illegible], однакожъ его воззрѣнія на этотъ предметъ [illegible] крайнѣ и то многимъ ошибочны. Не говоря о [illegible] дѣленія Бѣлинскимъ народнаго эпоса[151], не [illegible] имъ различія былины отъ сказки, признанія интереса за послѣдней только въ формѣ и болѣе поздняго, послѣ былин, [illegible] происхожденія[152], фальшивомъ утвержденіи [illegible] кіевскихъ съ новгородскими[152]); не говоря о непониманіи внутренняго состава народнаго эпоса[153], [illegible] въ немъ миѳическій элементъ, такъ ясно видимый[154]), и понятъ былину[155] : не правымъ по [illegible] односторонней и неправильной характеристикѣ лѣшифрыя богатыря, даже и такихъ выдающихся, какъ Илья Муромецъ[156], [illegible] наго мнѣнія о самыхъ соображеніяхъ пѣсенъ[157], [illegible] коканія роли [illegible] въ былинахъ[158], [illegible] поэзіи всѣхъ славянскихъ племенъ[159]), мы остановимся только на его общемъ взглядѣ на народную поэзію и богатырей.

Народное произведеніе, по мнѣнію Бѣлинскаго, [illegible] художественностью; художественности же [illegible] въ изображеніи внутреннихъ сторонъ человѣческой жизни, [illegible] смысла, идеи. Идея народности сама по себѣ не можетъ служить признакомъ совершеннаго произведенія, [illegible] односторонняя; [illegible] признакомъ она [illegible] только подъ условіемъ слитія національнаго съ человѣческимъ. [illegible] человѣкъ не долженъ существовать отдѣльно отъ общества, такъ ни одинъ народъ не [illegible] существовать внѣ общества... Все особое, отдѣльное, [illegible] существуетъ только общимъ, которое есть его содержаніе и котораго она есть выраженіе и форма[160]. При такомъ взглядѣ Бѣлинскаго, образовавшемся подъ вліяніемъ философіи Гегеля, [illegible]

съ представленіемъ о народѣ, какъ неразвитой массѣ, съ представленіемъ, сохранявшимся въ кружкѣ окружавшихъ его друзей, — онъ въ народныхъ произведеніяхъ ничего не могъ видѣть художественнаго. „Изъ содержанія нашихъ рапсодовъ мы увидимъ, говоритъ Бѣлинскій, что искать въ нихъ общей мысли, — все равно, что ловить жемчужныя раковины въ фонтанѣ. Они ничѣмъ не связаны между собой; содержаніе всѣхъ одинаково, обилно словами, скудно дѣломъ, чуждо мысли. Поэзія къ прозѣ содержится, какъ ложка меду къ бочкѣ дегтя. Въ нихъ нѣтъ никакой послѣдовательности, даже внѣшней[161]). Бѣлинскій, не могши найти въ былинахъ источника для освѣщенія исторической и духовной жизни народа въ различные моменты его бытія, даетъ такую общую характеристику богатырей: „Вообще, идеалъ русскаго богатыря — физическая сила, торжествующая надъ всѣми препятствіями — даже надъ здраваго смысла. Коли уж богатырь — ему все возможно, и противъ него ничто не устоитъ; объ стѣну лбомъ ударится — стѣна валится, а на лбу и шишечки нѣтъ. Героизмъ есть первый моментъ пробуждающагося народнаго сознанія жизни; а дикая животная сила, сила желѣзнаго кулака и чугуннаго черепа — первый моментъ народнаго сознанія героизма. Оттого тѣмъ народнѣе богатыри тѣмъ больше съѣдаютъ, баранами закусываютъ, а бочками сорокоуками запиваютъ. Но народъ, въ лицѣ котораго развивается общее, идетъ далѣе, — и пробужденіе животной силы чувствомъ долга, правды и доблести есть второй моментъ его сознанія героизма. Наша народная эпопѣя остановилась на первомъ моментѣ и дальше не пошла. И потому наши богатыри — тѣни, призраки, миражи, а не образы, не характеры, не идеалы опредѣленные“[162]).

Отсюда, знаменитому критику былъ недоступенъ для по-

[illegible] народный эпосъ въ его [illegible] [illegible] [illegible] ность развитія. Составивъ указанный [illegible] [illegible] ственность поэтическаго произведенія, не мудрено, по [illegible] сказать, что одно небольшое стихотворе[illegible] [illegible] художника неизмѣримо выше всѣхъ [illegible] поэзіи вмѣстѣ взятыхъ", что народная поэзія — „несвязный дѣтскій лепетъ" [163]).

Отмѣчая такой односторонній взглядъ Бѣлинскаго на русскій народный эпосъ, мы не должны забывать историческій почвы: изученіе народной поэзіи находилось тогда въ младенческомъ состояніи: миѳологія, этнографія, лингвистика [illegible] на которыя должны опираться всякія изслѣдованія народной поэзіи и на всесторонней ихъ разработкѣ основаны [illegible] выводы, были не разработаны. Кромѣ того, сравнительное миѳологическое направленіе въ изученіи русскаго эпоса, развившееся въ капитальныхъ трудахъ Буслаева, Аѳанасьева, Котляревскаго, О. Миллера, а историческое — въ изслѣдованіяхъ А. Майкова, Кашинъ-Скобелина и другихъ историковъ, были тогда, когда приговоръ Бѣлинскаго народной поэзіи былъ произнесенъ. Мы не говоримъ о трудахъ [illegible] [illegible] — Бессонова, [illegible], Ѳ. Миллера, [illegible] [illegible]сова, Сумцова, Халанскаго, [illegible], разработывающихъ народный эпосъ и теперь. Было бы, конечно, странно обвинять и умалять значеніе Бѣлинскаго за незнаніе и неприложеніе научныхъ теорій къ изученію народнаго эпоса, [illegible] послѣ него; но, съ другой стороны, одно изъ [illegible] [illegible], за которую такъ ратовалъ Бѣлинскій въ теченіе всей своей жизни, и недостаточно [illegible] [illegible] [illegible] ность говорѣній Бѣлинскаго [illegible] предостерегать молодое поколѣніе. При чемъ [illegible]

кресаютъ слѣдующія справедливыя строки О. Миллера: „Въ 10-е годы изученіе народной словесности находилось у насъ въ младенчествѣ, и нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бъ Бѣлинскій дожилъ до нашей поры, то онъ взглянулъ бы на народную поэзію и глубже, при чемъ, по всей вѣроятности, со своею обычною честностью и откровенностью самъ бы сознался въ перемѣнѣ своего взгляда[164]).

Такое воззрѣніе Бѣлинскаго на народную поэзію объясняется слѣдующими причинами: 1) неподготовленностію его къ ея изученію, 2) приложеніемъ къ разбору не историко-литературной критики, а эстетической, не усматривавшей изъ-за художественныхъ интересовъ въ народной пѣснѣ выразительницы чаяній русскаго народа, исторической его жизни и бытовыхъ чертъ, и 3) юношескою Бѣлинскаго, горячимъ его доброжелательствомъ того ученія, которое вѣдало для Россіи спасеніе только въ полнѣйшемъ духовномъ отреченіи отъ своей народности и въ полнѣйшемъ усвоеніи себѣ западной цивилизаціи, со всѣми ея ужасами, безъ всякихъ притязаній на самостоятельное развитіе[165]).

Нельзя согласиться съ воззрѣніями Бѣлинскаго и на „Слово о полку Игоревѣ". Считая справедливо „Слово" „прекраснымъ отголоскомъ цѣлаго народной поэзіи, достойнымъ вниманія, памяти и уваженія", признавая за нимъ, что такъ же справедливо, „поэтическія красоты", Бѣлинскій, однакожъ, допустилъ въ толкованіи нѣсколько погрѣшностей. Оставляя въ сторонѣ неисправленныя во многихъ мѣстахъ переводъ „Слова" на современный языкъ, его несправедливое мнѣніе объ этомъ памятникѣ, какъ древнѣйшемъ, неточное опредѣленіе рода литературнаго произведенія, къ которому оно можетъ быть отнесено, ошибочную характеристику нѣкоторыхъ лицъ въ

Слову" — отмѣтимъ крайне странный взглядъ его на самую существенную часть „Слова". Въ немъ, по мнѣнію Бѣлинскаго, нѣтъ никакой глубокой идеи. „Это больше ничего, говоритъ онъ, какъ простое и наивное повѣствованіе о томъ, какъ князь Игорь съ удѣльнымъ братомъ Всеволодомъ и съ своей дружиной пошелъ на половцевъ, сперва разбилъ ихъ, и самъ былъ разбитъ на голову, попался въ плѣнъ, но потомъ, наконецъ, удалось ему убѣжать. Безпрестанныя столкновенія въ междоусобіяхъ князей или набѣги на нихъ, такъ составляютъ содержаніе и, сверхъ того, историческій фонъ поэмы. Источникомъ историческаго произведенія поэзія можетъ быть только исторія народа, и произведеніе въ той только степени можетъ отличаться глубокою идеею, въ какой полна „общимъ содержаніемъ" жизнь народа. Времена междоусобій съ перваго взгляда могутъ показаться самымъ поэтическимъ періодомъ въ русской исторіи; но если глубже и пристальнѣе заглянете въ сущность и значеніе этого времени, то увидите, что въ немъ не было никакихъ элементовъ, которые могли бы дать поэзіи содержаніе; тамъ были только элементы для поэзіи чувства и выраженія, по общему закону — гдѣ жизнь, тамъ и поэзія"[166]).

Еще въ 1839 г., слѣдовательно раньше отзыва Бѣлинскаго, изъ органа западниковъ — „Отечественныхъ Записокъ" была сдѣлана вылазка, направленная противъ профессора Кіевскаго университета Максимовича, относившаяся съ большимъ уваженіемъ къ „Слову". Авторъ статьи, глумясь надъ Максимовичемъ, говоритъ: „Пусть бы Максимовичъ попробовалъ выкинуть содержаніе „Слова" и сдѣлать изъ него гипотезы: тогда бы обнаружилось все безобразіе этого несчастнаго произведенія. Что хотите говорите, его нельзя признать за дѣйствительный и

достойный памятникъ! Одно только трудно придумать, кто могъ рѣшиться на подлогу и написать такую нелѣпицу [17]). Бѣлинскій, принадлежавшій къ тому же лагерю, считавшій Россію порожнею сосудомъ, который можетъ наполниться изъ западнаго хранилища, совершенно, разорвавшій связь съ народомъ и не видѣвшій никакой жизни въ до-петровской Руси, долженъ былъ отнестись отрицательно къ содержанію „Слова“.

Непріязненъ былъ взглядъ Бѣлинскаго и на древнюю письменность включительно до Петра. Для Бѣлинскаго, отрицавшаго всякое значеніе нашей до-петровской исторіи и быта, представлявшаго до сего времени Россію болотомъ, внѣ признаковъ движенія и жизни, — весь этотъ періодъ былъ эпохой грубой безсознательности. Естественно поэтому, что отзывы Бѣлинскаго о памятникахъ древней письменности могутъ быть только предметомъ историческаго изученія. Бѣлинскій не могъ дать такихъ памятниковъ надлежащаго освѣщенія, да и не любилъ подолгу останавливаться, когда ихъ затрогивалъ. Возьмемъ для примѣра одинъ изъ нихъ, которому онъ сравнительно удѣлилъ больше вниманія и посвятилъ больше страницъ — „Слово или Моленіе Даніила Заточника“. Въ отзывѣ о „Словѣ“ Бѣлинскимъ была игнорирована объ редакціи его съ ихъ списками; не обозначено совершенно въ источникахъ, отъ кого Даніилъ, изгнанный, собиралъ „сладость словесную и разумъ“; не установлено время появленія памятника, не сдѣлано никакихъ историческихъ объясненій и никакого литературнаго освѣщенія памятника въ сравненіи его съ другими; не указано и его значенія; а между тѣмъ только съ уясненіемъ краткой этой стороны можетъ быть понято „Моленіе Даніила“. Къ нѣкоторымъ изъ его страницъ, которыя Бѣлинскій отвелъ „Слову“, можно относиться осмотрительно. Такъ, приводя выдержки

о злыхъ женахъ, Бѣлинскій совсѣмъ не замѣчаетъ ихъ непримѣнимости къ русской жизни.

Сказаніе о „Нашествіи Батыя на русскую землю“ и „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ“ онъ такъ характеризуетъ: „Эти памятника нисколько не относятся къ поэзіи, потому что въ нихъ нѣтъ ни тѣни ни призрака поэзіи: это скорѣе памятники пустодушной реторики того времени, которой все достоинство состояло въ безпрестанныхъ прославленіяхъ Божіи и выписокъ изъ нея текстовъ“. При разсмотрѣніи памятниковъ, такъ же какъ и при „Словѣ“, Бѣлинскій оставляетъ въ сторонѣ тѣ вопросы, которые должны входить въ пониманіе ихъ. То же, что сказалъ Бѣлинскій требуетъ объясненія: существенный недостатокъ памятниковъ — ихъ реторичность нужно принять съ оговоркой. Такъ, „Сказаніе о Мамаевомъ побоищѣ“ болѣе позднаго происхожденія носитъ на себѣ признаки реторики, тогда какъ первоисточникъ полонъ неподдѣльнаго поэтическаго одушевленія. Очевидно, Бѣлинскому не были извѣстны первоначальныя сказанія, обыкновенно полныя эпоса, а сказанія второго рода, созданныя послѣ съ большимъ подробностямъ подозрительной вѣрности.

Указывая на оригинальность взглядъ Бѣлинскаго на русскую письменность, нельзя не имѣть въ виду, что живого историческаго и поэтическаго интереса ея не понимали тогда и спеціалисты-ученые. Она составляла область библіографическаго обзора, а изъ нея ученые извлекали только то, что относилось до церковной археологіи. Прежде слѣдуетъ замѣтить и то, что сравнительно-историческое изученіе языка въ связи съ преданіями и народной поэзіей родственныхъ индоевропейскихъ народностей началось послѣ Бѣлинскаго.

IX.

Хотя въ оцѣнкѣ писателей большей литературы, особенно Пушкина, Бѣлинскій былъ новаторомъ-воспитателемъ эстетическаго вкуса цѣлыхъ поколѣній и руководителемъ сужденій дальнѣйшей эстетической критики, тѣмъ не менѣе въ отзывахъ его о позднѣйшихъ писателяхъ можно также указать на нѣкоторые промахи.

Въ оцѣнкѣ Карамзина, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ погрѣшностей[16], особенно поражаетъ своей неправильностью взглядъ Бѣлинскаго на „Письма русскаго путешественника". Такъ, отмѣчая пустоту въ содержаніи, онъ говоритъ: „Многіе находятъ на жалость содержанія въ „Письмахъ русскаго путешественника"; я такъ не вижу въ нихъ ровно никакого содержанія[16]. Чѣмъ изложены они? Мы узнаемъ изъ нихъ, по большей части, гдѣ онъ обѣдалъ, гдѣ ужиналъ, какое вино ему подавали, и сколько взялъ съ него трактирщикъ; узнаемъ, какъ Б. волочился за г-жею N, и какъ бѣлка оцарапала ему носъ; какъ восходило солнце надъ какою-нибудь швейцарскою деревушкою, въ которой шла пастушка съ букетомъ розъ на груди и гнала передъ собою корову... Стоило изъ этого Бѣлинскому такъ радѣть[16]? Благодаря именно своей легкости и поверхностности обязаны „Письма русскаго путешественника", по мнѣнію Бѣлинскаго, своимъ вліяніемъ на современную публику: „эта публика не была еще готова для интересовъ болѣе важныхъ и болѣе глубокихъ"[17]). Ошибочность воззрѣнія Бѣлинскаго будетъ особенно очевидна, если мы сопоставимъ его съ мнѣніемъ объ этомъ первоклассныхъ ученыхъ.

„Своими письмами изъ-за границы Карамзинъ, говоритъ Буслаевъ, впервые внесъ въ нашу литературу самыя [illegible] тельныя свѣдѣнія объ европейской цивилизаціи, [illegible] болѣе наставительнѣе, что относились къ послѣднимъ годамъ прошлаго столѣтія, когда господство французскаго [illegible] стало уступать новымъ взглядамъ, проникшимъ [illegible] и въ первой половинѣ текущаго столѣтія, — такъ что „Письма русскаго путешественника" даже въ періодъ [illegible] Пушкина не теряли своего современнаго значенія, [illegible] имѣютъ его и теперь, потому что въ нихъ впервые были высказаны многія понятія и убѣжденія, которыя въ настоящее время сдѣлались достояніемъ всякаго образованнаго человѣка" [173]). То же говорятъ профессора — Буличъ [174]) и Лавровскій [175]). Упрекая Карамзина за пустоту содержанія „Писемъ русскаго путешественника", за анонфорожные въ политической жизни посѣщенныя имъ страны, Бѣлинскій предполагаетъ имъ письма Фонвизина, какъ содержательныя и глубокія. Правда, письма Фонвизина въ этомъ отношеніи стоятъ гораздо выше Карамзина; но, бросая на [illegible] Карамзина, Бѣлинскій упускалъ изъ виду, что Карамзинъ писалъ къ роднымъ и знакомымъ, не сообразуясь нисколько ни съ темою писемъ, ни ихъ изложеніемъ, ни объемомъ. Поэтому все, что онъ видѣлъ и слышалъ, о чемъ думалъ и разсуждалъ, какъ бы иногда мимолетны ни были его психическія состоянія, — все то, соотвѣтственно быстрой смѣнѣ [illegible], всецѣло выливалъ на бумагу. Фонвизинъ же, прошедшій извѣстную политическую школу, какъ лицо оффиціальное, долженъ былъ дать отчетъ о своемъ заграничномъ пребываніи и своихъ наблюденіяхъ изъ политической [illegible] Кромѣ того, Карамзинъ, отправившійся путешествовать, [illegible] 23-лѣ-

или молодымъ человѣкомъ на одиннадцать лѣтъ моложе Фонвизина. Немудрено, что предметы наблюденій обоихъ путешественниковъ могли быть не тождественны, что сужденія Фонвизина шире и глубже.

Осуждая Карамзина за сантиментальный тонъ писемъ, Бѣлинскій не принялъ во вниманіе романтическаго направленія эпохи, свѣжести чувства автора, его жизнерадостнаго настроенія, его отзывчивой организаціи. Причина такого неправильнаго взгляда Бѣлинскаго исходитъ, въ данномъ случаѣ, изъ ложнаго начала его критической мысли: онъ смотрѣлъ на Письма съ точки зрѣнія ему современной, не переносясь въ эпоху Карамзина, и потому требовалъ отъ него того, чего тотъ не могъ дать.

Въ замѣчаніи по поводу критикъ Бѣлинскаго о комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“ нельзя найти цѣльнаго, обстоятельнаго и строго выдержаннаго сужденія. Въ первомъ своемъ произведеніи „Литературныя мечтанія“ (1834 г.) Бѣлинскій, не вооруженный еще философскимъ ученіемъ, называетъ „Горе отъ ума“ — Divina comedia. Онъ указываетъ на различныя ея достоинства: поэтическую истину поэтическаго вымысла, индивидуальность персонажей, сарказматическій стихъ, изобиліе разговорныхъ чертъ; но эти справедливыя строки — бѣглая здѣсь лишь общаго его обзора литературы. Въ 1839 г. появляется большая статья Бѣлинскаго о ком. „Горе отъ ума“, замѣчая, благодаря увлекательному краснорѣчію, большой успѣхъ; но Бѣлинскій здѣсь, затемнивши вопросъ о комедіи, приступаетъ къ ея разбору съ предвзятой теоріей, подъ которую онъ эту комедію и подводитъ. „Горе отъ ума“, по мнѣнію Бѣлинскаго, будучи велико частностями, слабо въ цѣломъ: рядъ картинъ, нарисованныхъ широкою и мастерскою

кистью, лишены объединяющаго ихъ элемента. Въ цѣломъ „Горе отъ ума“ есть какое-то уродливое зданіе, построенное изъ дорогаго цѣннаго мрамора, съ [illegible] тонкою рѣзьбою, украшенное колоннами“. Бѣлинскій должен былъ притти къ такому выводу, какъ скоро онъ [illegible], что это произведеніе ложно по своей идеѣ, что оно не [illegible] ное созданіе, по отсутствію самоцѣльности, а слѣдовательно и объективности, составляющей необходимое условіе [illegible]. Отрицаніе художественности въ кн. „Горе отъ ума“ было и другая причина, по мнѣнію Бѣлинскаго, это не комедія, а сатира — такой родъ литературныхъ произведеній, которому онъ отказывалъ въ художественности.

Въ кн. „Горе отъ ума“, этотъ „человѣкъ“, лишенъ Бѣлинскимъ и нѣкоторыхъ невѣрныя характеристики „[illegible]“ лицъ. Ужо понятія Фамусова, только какъ [illegible], а не барина-вельможу, считая Софью не [illegible] изображенною. Бѣлинскій особенно нападалъ на [illegible] Чацкаго, этого, по его словамъ, „всего [illegible], [illegible] шута, [illegible], фразера, [illegible] на палочкѣ [illegible]“. Чацкій, по мнѣнію Бѣлинскаго, лицо не живое, не художественно созданное, а призракъ. Впрочемъ, Бѣлинскій послѣ горько раскаивался, что онъ изъ-за [illegible] не усмотрѣлъ общественнаго значенія [illegible]. „Всего тяжелѣе мнѣ вспомнить“, писалъ онъ, когда сошелъ съ него философскій туманъ, о „Горе отъ ума“, которое я осудилъ съ художественной точки зрѣнія и о которомъ говорилъ свысока, съ пренебреженіемъ, не догадываясь, что это благородное, гуманическое произведеніе, энергическій и при этомъ еще первый протестъ противъ тупоумной [illegible], противъ чиновниковъ-взяточниковъ, противъ [illegible] сѣльскаго общества, про-

[illegible] реальности, возрожденная философіею. Такъ горевъ перешелъ по выходкѣ Бѣлинскаго на нѣмецкій. Горе отъ ума находился въ зависимости отъ философіи его міровоззрѣнія на искусство и эпохи литературной критики, окрѣпшаго только въ 40-хъ годахъ. До этого времени первоначальныя основы его критики зиждились на философскихъ основахъ Шеллинга, а особенно Гегеля, въ основахъ эстетики котораго горевъ, преимущественно, источникъ его критическихъ отправленій. Отчасти искусство, по ученію Бѣлинскаго, можно дѣйствительно осуществить идею прекраснаго, игнорируя всѣ другія стремленія человѣка. Основу художественныхъ произведеній составляетъ полное слитіе идеи съ формой. „Въ творчествѣ сила не въ идеѣ, говоритъ онъ, а въ формѣ, которая, само собою разумѣется, необходимо проникаетъ и оодушевляетъ идею, и та форма можетъ быть проникнуто кроткимъ, одухотвореннымъ свѣтомъ истинной красоты. Истинно идея не только ручается за достоинство произведенія, но скорѣе заставляетъ сомнѣваться въ немъ, и произведенія, сила и могущество которыхъ заключается въ идеѣ, а не въ формѣ, не могутъ нравиться на долго". Творчество является чуждымъ всякихъ отношеній къ жизни и существуетъ только для самого себя. Бѣлинскій въ этомъ періодѣ своей дѣятельности является провозвѣстникомъ чистаго искусства, сущность котораго такъ прекрасно выражена въ извѣстномъ стихотвореніи Пушкина:

Не для житейскаго волненья,
Не для корысти, не для битвъ,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

Такимъ образомъ, въ первый періодъ своей литературной дѣятельности Бѣлинскій игнорируетъ общественное значеніе

разбираемыхъ имъ произведеній, останавливаясь только на художественной ихъ сторонѣ, не указывая [illegible] недостатковъ съ точки зрѣнія эстетической критики.

Въ цѣломъ рядѣ статей Бѣлинскій со всею теплотою и искренностью чувства, глубиною и [illegible] вкуса, съ блестящимъ краснорѣчіемъ и [illegible] сость, насть замѣчательную характеристику Пушкина. По зрѣнію критика „Пушкинъ былъ, по призванію, [illegible] художникъ и больше никѣмъ не могъ быть по своей натурѣ. Онъ далъ намъ поэзію, какъ искусство, какъ художество, и потому онъ навсегда останется великимъ, образцовымъ мастеромъ поэзіи, учителемъ искусства. Къ особеннымъ свойствамъ его поэзіи принадлежитъ ея способность развивать въ людяхъ чувство изящнаго и чувство гуманности, уваженіе къ достоинству человѣка, какъ человѣка“. Такого рода взглядъ, выведенный изъ анализа всѣхъ произведеній, до сихъ поръ не потерявшій дѣйствительной цѣнности, [illegible] не признать односторонним. Смотря на Пушкина, какъ на жреца чистаго искусства, Бѣлинскій не усмотрѣлъ въ немъ общественнаго значенія и не выяснилъ ни того, какія „чувства добрыя“ пробуждалъ онъ своей лирой, ни того, какъ они проникали въ общественное сознаніе. Пушкинъ, какъ [illegible] тель нашихъ думъ, какъ изобразитель жизненной правды и борецъ за просвѣщеніе и свободу, остался у Бѣлинскаго [illegible] безъ всякаго уясненія.

Въ частности можно указать на невѣрную оцѣнку Бѣлинскимъ „Повѣстей Бѣлкина“, которыя онъ считаетъ „баснями“ и „побасенками“. „Вотъ передо мною лежатъ, гов. Бѣлинскій, „Повѣсти“, изданныя Пушкинымъ, творцомъ „Кавказскаго плѣнника“, „Бахчисарайскаго фонтана“, „Цыганъ“, „Полтавы“, „Онѣ-

[illegible] Пушкина. Правда, это [illegible] занимательны, ихъ нельзя читать безъ удовольствія; это происходитъ отъ прелестнаго слога, отъ искусства разсказывать (conter); но онѣ не художественныя созданія, а просто сказки и побасенки; ихъ съ удовольствіемъ и даже съ наслажденіемъ прочтутъ [illegible] у камина; но отъ нихъ не закипитъ кровь пылкаго юноши, не засверкаютъ очи его огнемъ восторга; но онѣ не будутъ тревожить его сна — нѣтъ — послѣ нихъ можно задать лихую высыпку. Будь эти повѣсти первое произведеніе какого-нибудь [illegible] — [illegible] обратила бы на себя вниманіе нашей публики; но, какъ произведенія Пушкина... осень, [illegible] осень, послѣ прекрасной, роскошной, благоуханной весны, словомъ

...Прозаическія бредни,
Фламандской школы пестрый сор [illegible].

Даже въ поздній періодъ своей критической дѣятельности Бѣлинскій не призналъ достоинствъ за „Повѣстями Бѣлкина". „Дѣйствительно, — пишетъ онъ, — хотя и нельзя сказать, чтобъ въ нихъ уже вовсе не было ничего хорошаго, все-таки эти повѣсти были недостойны ни таланта ни имени Пушкина. Это что-то въ родѣ повѣстей Карамзина, съ тою только разницею, что повѣсти Карамзина имѣли для своего времени великое значеніе, а повѣсти Бѣлкина ниже своего времени. Особенно жалка изъ нихъ одна — „Барышня-крестьянка" — неправдоподобная, водевильная, представляющая помѣщичью жизнь съ идиллической точки зрѣнія" [172]).

Несоотвѣтственно достоинству и важности произведенія мы видимъ отношеніе Бѣлинскаго къ „Капитанской дочкѣ": онъ

удѣлилъ ей меньше вниманія, чѣмъ другимъ произв[illegible] Пушкина, гораздо ниже стоящимъ. Въ первой своей замѣткѣ (1838 г.) въ четыре строчки, Бѣлинскій, по умѣнью писать повѣсти, ставитъ поэту въ примѣръ Гоголя[178]). Въ 1841 г. Бѣлинскій повѣсть „Дубровскій", сравнительно далеко не законченную, по „богатству содержанія, разнообразію и [illegible] дѣйствія", ставитъ выше „Капитанской дочки"[179]). Въ [illegible], послѣ столь подробнаго изслѣдованія о сочинен[illegible] Пуш[illegible] онъ удѣляетъ слѣдующія 18 строкъ: „Капитанская дочка" — нѣчто въ родѣ „Онѣгина" въ прозѣ. Поэтъ изображаетъ въ ней нравы русскаго общества [illegible] Многія картины по вѣрности, [illegible] изложенія, — чудо совершенства. Таковы портреты отца и матери героя, его гувернера-француз[illegible], [illegible] дядьки Савельича, этого русскаго Калеба, — Зурина, Миронова и его жены, ихъ кума Ивана Игнатьевича, наконецъ самого Пугачева, его „господина сиротинушки"; [illegible] сцены, которыхъ за ихъ множествомъ не находимъ нужнымъ перечислять. Но за этимъ, [illegible] ошибочная оцѣнка Гринева, Маріи и Швабрина[180]).

Въ оцѣнкѣ Бѣлинскимъ сказокъ Пушкина можно замѣтить невѣрное освѣщеніе ихъ, такъ какъ сказки, по мнѣнію Бѣлинскаго, явились какъ „плодъ довольно ложнаго стремленія къ народности".

Нельзя не отмѣтить также здѣсь и не вполнѣ правильнаго взгляда Бѣлинскаго на Кольцова. Дѣйствительно, Бѣлинскій первый открылъ этотъ самородный талантъ, указалъ отличительныя его свойства, но несомнѣнно преувеличилъ его значеніе и роль въ исторіи русской литературы.

Мы указали только на нѣкоторыя ошибки Бѣлинскаго въ тол-

знанія имъ произведеній древней и новой литературы; но, несомнѣнно преимущественно въ интересахъ школы, взглядъ Бѣлинскаго можно подвергнуть болѣе подробному пересмотру, особенно въ виду настойчиваго домогательства нѣкоторыхъ писателей включить всѣ его сочиненія въ школьныя библіотеки.

1. Сочин. Бѣлинскаго, I, 120
2. Тамъ же, 230.
3. Тамъ же, [illegible].
4. Телескопъ, 1835, ч. XXVII, [illegible]
5. Сочин. Бѣлинскаго, III, [illegible]
6. Тургеневъ, 1874, I, 37.
7. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, I, [illegible].
8. Тамъ же, 291—292.
9. Тамъ же, II, 18
10. Тамъ же.
11. Тамъ же, 37.
12. Тамъ же, 139.
13. Сочин. Бѣлинскаго, IV, 480 [illegible]
14. Тамъ же, VI, 338.
15. Тамъ же, 101.
16. Тамъ же, 107.
17. Тамъ же.
18. Тамъ же.
19. Златковскій. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ, 1885, 55
20. Страховъ. Замѣтки о Пушкинѣ и о другихъ поэтахъ, 1897, 211.
21. Сочин. Бѣлинскаго, VII, 259.
22. Сочин. Тургенева, 1874, I, 29.
23. Сочин. Бѣлинскаго, VII, 418
24. Отечественныя записки, т. XLI, отд. VI, 47 и 50.
25. Сочин. Бѣлинскаго, XI, 58
26. Пыпинъ. Бѣлинскій, его жизнь и переписка, II, 304.
27. Тамъ же, 313.
28. Сочин. Бѣлинскаго, XI, 419
29. Тамъ же, X, 343.
30. Достоевскій, 1895, XI, 32
31. Панаевъ. Литературныя воспоминанія и воспоминанія о Бѣлинскомъ, 404.
32. Сочин. Бѣлинскаго, XI, 387.
33. Тамъ же, I, 101.
34. Тамъ же, 38

[illegible] Тамъ же. 57
[illegible] Панаевъ. 143.
[illegible] Бѣлоруссовъ. Зачатки русской [illegible] критики, 1890, в. I.
[illegible] [illegible]ковъ. Жизн[illegible] и труды М. П. Погодина. I. 39—40
[illegible] [illegible]. Исторія русской критики, [illegible] 10.
[illegible] Барсуковъ, I, 47.
[illegible] Тамъ же. 10.
[illegible] Дмитріевъ. Мелочи изъ запаса моей памя[illegible]
[illegible] Библіографическія Записки, 18[illegible] II [illegible]
14. Біографическій словарь Импер. Моск. Университета, II [illegible] Дмитріевъ, 167; Біогр. зап. 1859, II, № 10, 306.
15. Русская старина. 1879. I. 118.
16. Дмитріевъ, 159
17. Русская старина, 1879. I, 117.
18. Барсуковъ. I, 294; II, 39; IV, 86
19. Біогр. слов. Импер. Моск. Унив. II 61—63; Русск. Старина, 1879, I, 116; Дмитріевъ. 160
20. Біогр. слов. Импер. Моск. Унив. II [illegible]
21. Тамъ же. 84 и слѣд.
Филаретъ Черниговскій. Обзоръ русской духовной литературы, 1884, 436
23. Бѣлоруссовъ, II, 43
24. Тамъ же. 67—76
25. Тамъ же. 76—78
26. Сочин. Бѣлинскаго, VII, 114 и [illegible]
27. Пятковскій. Изъ исторіи литературнаго общественнаго развитія, 1889, II, 244
Труды общества любителей рос. слова, XI, 66.
29. Тамъ же, 68—69
30. Сочин. Бѣлинскаго. VIII. 153.
31. Біогр. слов. Импер. Моск. Унив., II 96
32. Русскій, 1868. № 114.
33. Сухомлиновъ. Изслѣдованія и статьи по русск. литературѣ, II, 367.
34. Тамъ же, 372 и слѣд.; Русск. Слово, 1860, VIII, Смѣсь, 76
35 Полевой. Очерки русской литературы, XIV.
36. Московскій Телеграфъ, т. XXVIII, 66.
37. Веселовъ. Очерки исторіи русской журналистики, 5.
38. Барсуковъ, II, 169—170
39. Записки Ксенофонта Полевого, [illegible]
40. Полевой. Очерки русской литературы, I, 39—40
41. Московскій Телеграфъ, 1825, II, [illegible]

72. Тамъ же, 1830, № 6, 193—243
73. Сочин. Бѣлинскаго, VIII, 509
74. Московскій Телеграфъ, 1831, № 2, 246
75. Полевой. Очерки русской [illegible]
76. Тамъ же, 199
77. Сочин. Бѣлинскаго, VIII, 624 и слѣд.
78. Русскій Вѣстникъ, 1842, 5.
79. Сочин. Бѣлинскаго, III, 407
80. Смотр. подр. Русскій Вѣстникъ, 1842, №№ 5—6
81. Сочин. Бѣлинскаго, XI, 69
82. Тамъ же, XII, 173.
83. День, 1862, № 43
84. Вѣстникъ Европы, 1887, апр. 506.
85. Тамъ же, 1829, № 3, 215—230.
86. Сочин. Бѣлинскаго, VIII, 506—508.
87. Тамъ же, 508—509.
88. Вѣстникъ Европы, 1829, № 8, 287—302; № 9, 17—[illegible]
89. Сочин. Бѣлинскаго, VIII, 491, 505—506
90. Вѣстникъ Европы, 1830, № 7, [illegible]
91. Телескопъ, 1831, I, [illegible]
92. Вѣстникъ Европы [illegible]
93. Эпоха, 1864, т. II, № [illegible]
94. Рѣчи и отчетъ, произнес. въ торж. собр. Импер. Моск Унив., 1865.
95. Тамъ же.
96. Барсуковъ, XI, 330.
97. Буслаевъ, М. П. Погодинъ, какъ профессоръ, 7.
98. Станкевичъ, Анненковъ, 1858, прил. 81—82. Погодинъ Воспоминаніе о Шевыревѣ, 21.
99. Барсуковъ, IV, 185—186; Погодинъ, Воспоминаніе о С. П Шевыревѣ, 26.
100. Московскій Вѣстникъ, 1827, VI, 310
101. Рѣчи и отчетъ Моск. Университета, 1865.
102. Панаевъ, 94.
103. Новое Время, 1898, № 7944
104. Московскій Наблюдатель, 1835, 439—440
105. Тамъ же, 446—447
106. Тамъ же, 459
107. Сочин. Бѣлинскаго, I, 252—271; VI, 477—481
108. Тургеневъ, 1874, I, 28—29.
109. Москвитянинъ, 1841, № 9, 320; № 4, 525—540
110. Сочин. Бѣлинскаго, IV, 285.

111. Москвитянинъ, 1846, № 2
112. Тамъ же.
113. Барсуковъ, VIII, 351—352.
114. Современникъ, 1848, ч. VII, русск. лит., 9—11
115. Москвитянинъ, 1848, № 1
116. Плаксинъ. Изъ исторіи нац. литер. и обществ. развитія, II, 219
117. Тамъ же.
118. Весинъ, 106.
119. Тамъ же, 269—270.
120. Сѣверная Пчела, 1830, № 30
121. Сочин. Бѣлинскаго, VIII, 391—392.
122. Сѣверная Пчела, 1830, № 35.
123. Сочин. Бѣлинскаго, VIII, 522 и слѣд.
124. Сѣверная Пчела, 1843, № 18.
125. Сочин. Бѣлинскаго, I, 219.
126. Весинъ, 403—404.
127. Сѣверная Пчела, 1852, № 87
128. Барсуковъ, IV, 225.
129. Сенковскій, IX, 350.
130. Сочин. Бѣлинскаго, I, 231.
131. Библіотека для чтенія, 1846, LXXVIII, Лѣт., 17
132. Гречъ. Опытъ исторіи русской литературы, 1828, 138—148, [illegible]—348.
133. Тамъ же, 22, 39—40, 89—90
134. Тамъ же, 175—184 и др.
135. Тамъ же, 165—167, 171—174, 200—202.
136. Тамъ же, 164—165.
137. Тамъ же, 289—294.
138. Тамъ же, 285—288.
139. Тамъ же, 307—314.
140. Тамъ же, 328
141. Тимаевъ. Начертаніе курса изящной словесности, 1832, 215.
142. Плаксинъ. Руководство къ познанію исторіи литературы, [illegible], 340—352.
143. Тамъ же, 349—350.
144. Тамъ же, 345.
145. Тамъ же, 342—343.
146. Глаголевъ. Умозрительныя и опытныя основанія словесности, 1834, предисл. IV.
147. Максимовичъ. Исторія древней словесности, 1839, 1—17.
148. Тамъ же, 17—29.

149. Тамъ же, 48—75.
150. Сочин. Бѣлинскаго, V, 66—67.
151. Тамъ же, 96—98.
152. „Въ нихъ (былинахъ кіевскихъ), говоритъ Бѣлинскій, все новгородское, и изобрѣтеніе, и выраженіе, и тонъ, колоритъ и, наконецъ, эти герои изъ купцовъ, какъ Садко, Гостиный сынъ и другіе".
153. Сочин. Бѣлинскаго, V, 204, 12[illegible].
154. Тамъ же, 68.
155. Тамъ же, 141.
156. „Илья Муромецъ, говоритъ Бѣлинскій, былъ сильнѣе всѣхъ богатырей и самого Добрыни, и что хотя онъ и замѣнялъ обращаемъ въ духѣ русскаго рыцарства, однакожъ и не чуждъ былъ любовныхъ похожденій".
157. Сочин. Бѣлинскаго, V, 94
158. Тамъ же, 200.
159. Тамъ же, 64
160. Сочин. Бѣлинскаго, V, 28
161. Тамъ же, 98.
162. Тамъ же, 159.
163. Тамъ же, 87.
164. О. Миллеръ. Илья Муромецъ и богатырство кіевское, Введ. I
165. Русскій Архивъ, 1873, 2058—2059
166. Сочин. Бѣлинскаго, V, 82
167. Отечеств. Записки, 1840, № 4
168. Сочин. Бѣлинскаго, V, 90—91.
169. Пономаревъ. Матеріалы для библіографіи литературы о Н. М. Карамзинѣ, 102.
170. Сочин. Бѣлинскаго, I, 32.
171. Тамъ же, 63.
172. Тамъ же, V, 137.
173. Московскія Унив. Извѣстія, 1866—1867, № 3, 186.
174. Буличъ. Симбирскій юбилей Н. М. Карамзина, 92 и слѣд.
175. Лавровскій. Карамзинъ и его литературная дѣятельность, 1866, 15—22.
176. Сочин. Бѣлинскаго, I, 319—320.
177. Тамъ же, VIII, 697—698.
178. Тамъ же, II, 333
179. Тамъ же, V, 321.
180. Тамъ же, VIII, 698

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
I	Критика Бѣлинскаго — литературная школа для писателей и общества его времени	1—17
II	Бѣлинскій и Мерзляковъ	18—26
III.	Бѣлинскій и Полевой	27
IV.	Бѣлинскій и Надеждинъ	39—49
V.	Бѣлинскій и Шевыревъ	49—61
VI	Булгаринъ, Сенковскій и Бѣлинскій	62—75
VII	Бѣлинскій, какъ создатель исторіи новой русской литературы	75—84
VIII.	Взглядъ Бѣлинскаго на народную поэзію и древнюю книжную словесность	84—91
IX	Ошибочность воззрѣній Бѣлинскаго на нѣкоторыя произведенія новѣйшей литературы	92—106

2019

2p10